

eISSN 2311-2468
Том 4, № 22. 2016
Vol. 4, no. 22. 2016

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

БЕРНХАРДТ М.
ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБЪЕКТА
В ГЕНИТИВНОЙ ИЛИ ИНЕССИВНОЙ ФОРМЕ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В работе рассматриваются основные различия в употреблении генитивного и инессивного объектов в эрзянском литературном языке. Автор раскрывает роль особенностей самого объекта и глагола, а также влияние характеристик и информативной структуры предложения на выбор падежа объекта.

Ключевые слова: объект, падеж, инессив, генитив, глагол, спряжение, эрзянский язык.

BERNHARDT M.
FEATURES OF THE USE OF OBJECT
IN GENITIVE OR INESSIVE FORM IN THE ERZYA LANGUAGE

Abstract. The article studies the main differences of the use of genitive and inessive objects in the Erzya literary language. The author identifies the role of characteristics of the object and verb and the influence of the sentence characteristics and its informative structure on the choice of the object case.

Keywords: object, case, inessive, genitive, verb, conjugation, Erzya language.

В мордовских языках объект может выступать в четырех падежных формах. В настоящей работе рассматривается, каким образом выбор той или иной падежной формы влияет на значение объекта в эрзянском языке.

Падежами объекта в мордовских языках являются номинатив, генитив, аблатив и инессив. С помощью номинативной формы выражается неопределенный объект (*šormad-an šorma* ‘пишу письмо’ [2, с. 278], в то время как при помощи генитивного – определенный (*šormad-an šorma-ńt* ‘пишу (это, то) письмо’ ([2, с. 278]. Аблатив чаще всего используется с неисчисляемыми существительными (*šed'e mejle t'ejt'er-eš šimd'-iže Pandaj-eń ta-kodamo ved'-t'e* ‘после этого девушка напоила Пандая какой-то водой’ (УПТМН с. 55). Инессив, в свою очередь, указывает на имперфективность (временную неограниченность) действия (*at'a-š kevks-t'-ńi pańića-t'ńe-se* ‘старик спрашивает преследователей’ [3, с. 47].

Однако выбор той или иной падежной формы объекта в эрзянском языке оказывается намного сложнее, чем описано выше. Объект может выступать не только в разных падежах, но также в основном и указательном склонениях. Определенные по своему существу предметы, как правило, стоят в основном склонении, однако имеются и исключения. Глагол также оказывает влияние на форму объекта: объект, выступающий с инфинитными формами

несмотря на свою определенность, как правило, стоит в генитиве основного склонения (*mon a karm-an marto-t kudo-ń t'eje-me, mońeń kudo a eřav-i* 'я не буду с тобой дом строить, мне дом не нужен' [3, с. 21]). Кроме того, мордовским языкам присуще объектное спряжение глагола, с помощью которого можно указать на число и лицо объекта *sajsamak* 'возьмешь (ты меня)', *sajsamam* 'возьмет (он меня)'. Формы объектного спряжения используются преимущественно с определенным объектом (*t'ejt'eř-eř řimd'-iže, and-iže ćora-ńt' i mer-i t'enze...* 'девушка напоила, накормила парня и говорит ему...' [3, с. 36]).

В работе мы рассматриваем основные различия в использовании генитивного и инессивного объектов в эрзянском литературном языке. Как правило, и генитивные, и инессивные объекты определенные, различия между ними можно проследить лишь на основе контекста. Также мы постараемся найти ответы и на то, каким образом спряжение глагола влияет выбор той или иной падежной формы объекта.

Результаты ранних исследований, посвященных рассмотрению различных падежных форм объекта в разных языках мира, показали, что выбор падежной формы объекта зависит как от особенностей объекта, так и глагола. Кроме того, на данный выбор могут влиять характеристики и информативная структура предложения [4; 6; 8; 9; 10; 7]. Критерии выбора падежной формы объекта в мордовском языкознании до настоящего времени исследованы мало. В грамматиках и других работах по вопросам синтаксиса даются лишь обобщения об употреблении объекта в той или иной падежной форме [1; 2 и др.].

А. Алхониemi в статье «Zur Kasuszeichnung des Objekts im Mordwinischen» (1991) дает полное представление обо всех четырех падежах объекта, однако в настоящей статье он рассматривает падежи объекта лишь на примере одного глагола *řimems* 'пить'. Автор указывает, что универсальные принципы выбора падежной формы объекта характерны и для эрзя-мордовского языка – данный выбор определяют определенность / неопределенность и полный / неполный охват объекта действием, а также аспектуальность глагола [5].

Материалом для исследования послужили народные сказки и эрзянские фольклорные тексты (ставшие литературными), представленные в книге «Устно-поэтическое творчество мордовского народа». В ходе исследования нами было выявлено 126 случаев употребления инессивного объекта. Генитивный объект встречается также часто, как и инессивный – только из первых 8 сказок мы насчитали их 204.

В рассмотренном материале 66% генитивного объекта выступают в указательном склонении, оставшиеся – в основном, притяжательном склонениях или являются местоименным объектом. Среди инессивных объектов местоименные объекты наиболее распространены, до 71% инессивных объектов составляют местоименные.

Объект, выступающий в указательном склонении, как правило, всегда определенный. Однако, в некоторых случаях бывает сложно объяснить причины использования определенного склонения. Как мы знаем, при помощи указательного склонения говорящий сообщает слушателю известную информацию, тем не менее в рассматриваемом нами материале представлены случаи сообщения новой информации посредством указательного склонения. Интересен факт, что глагол при этом стоит в субъектном спряжении, хотя объектное спряжение в данном контексте более ожидаемо (*t'et'a-t pek šoždiñe t'ev-eñt' makś-ś, śeks i mor-an* ‘отец (твой) очень легкую работу дал, поэтому и пою’ [3, с. 39]). Очевидно, семантика объекта не в полной мере знакома участникам беседы.

Прослеживается тенденция, что в случае употребления инфинитного глагола на выбор падежа объекта влияет также его одушевленность. Лишь определенные и одушевленные объекты при инфинитных формах выступают в генитиве указательного склонения (*tu-ś śeja-ñt' vešne-me* ‘пошел(ла) козу искать’ [3, с. 29]), неодушевленные объекты употребляются в основном склонении и в тех случаях, когда объект является определенным (*at'akš-oñt' kad-iž kudo-ñ vano-mo* ‘петуха оставили дом стеречь’ [3, с. 10]). Объекты, выступающие с инфинитными формами, в рассматриваемом нами материале единичны, поэтому мы не можем выстроить о них каких-либо выводов.

Объекты, выступающие в инессиве указательного склонения, в рассматриваемом материале встречаются редко – всего 12. Инессивный объект всегда определенный. Инессивные объекты указательного склонения выражаются при помощи послеложной конструкции с послелогом *эйсэ* (*umok ton van-at t'ese t'e skal-o-ñt' ej-se* ‘давно ты пасешь здесь эту корову’ [3, с. 40]) (за исключением одного найденного примера в форме инессива: *at'a-ś kevkt-ñ-i pañiça-t'ñe-se* ‘старик спрашивает преследователей’ [3, с. 47]). Глагол, выступающий с инессивным объектом, всегда употребляется в субъектном спряжении.

Если объект по своему существу определенный, определенность в данном случае не выражается при помощи указательного склонения. Имена собственные как в инессиве, так и в генитиве чаще всего выступают в основном склонении (*ñe-iže Pustačej-eñ avarde-ma-do di kevkt'-iže* ‘увидел(а) Пустачея плачущим и спросил(а) (его)’ [3, с. 7]). Нами был обнаружен лишь один пример с именем собственным в генитиве указательного склонения (*oñol-oś sa-iže lang-sto-nzo Sural'a-ñt' di jort-iže* ‘орел взял Суралю со спины (своей) и выбросил’ [3, с. 51]). Сложно назвать причину употребления имен собственных в указательном склонении в некоторых случаях.

Также некоторые местоимения могут выступать в основном склонении. В исследуемом материале имеется местоимение *весеме* ‘все’ – неопределенное местоимение, выступающее в генитиве основного склонения (*son vešeme-ñ pal-iñže, ežiže pala añsak viška*

sazor-onzo ‘он(а) всех поцеловал(а), не поцеловал(а) лишь младшую сестру’ [3, с. 42]. Данное местоимение с семантической точки зрения является определенным, поэтому нет необходимости использовать его в указательном склонении. Глагол, выступающий с данным местоимением, стоит в объектном спряжении. Также порядковые числительные в безличных предложениях выступают в генитиве основного склонения (*vejke-ś omboće-ń čumondi, omboće-ś – kolmoće-ń* ‘один второго обвиняет, второй – третьего’ [3, с. 30]. Интересно, что выступая в функции субъекта, данные порядковые числительные принимают форму номинатива указательного склонения. Нами было также выявлено одно относительное местоимение в форме инессива основного склонения (*si-ća volšebník-eńt' siń veše volšebník-t' jalga-zo mer-i, kona-ń ej-se l'epšt'-it'...* ‘у прибывающего волшебника, которого прижимают, друг (они все волшебники) говорит...’ [3, с. 80].

Слова, обозначающие части тела и родственные отношения, чаще всего выступают в притяжательном склонении (*ńevt'-ik hot' ve pil'gińe-t'* ‘покажи хотя бы одну ножку (твою)’ [3, с. 10]. Также и другие понятия, такие понятия, как, обозначающие одежду и предметы, встречаются в притяжательном склонении. Лишь в 3-ем лице единственного числа можно различить генитивные формы притяжательного склонения от номинативных, но лишь в тех случаях, если речь идет об одном обладаемом. В других лицах генитивные и номинативные формы совпадают. Инессивная форма в притяжательном склонении чаще всего встречается с послелогом *эйсэ* (*ava-zo kaštom lang-so avarđ'-i di čumond-i čora-nzo ej-se* ‘мать (его) на печи плачет и винит сына (своего)’ [3, с. 207]. Также возвратное и взаимное местоимения выступают, как правило, в притяжательном склонении (*son kińeń=gak pńa-nzo nańga-ms a maks-si* ‘он никому не даст поиздеваться над собой (букв. не даст голову (свою)’ [3, с. 54].

Значение обладания может выражаться и без притяжательных суффиксов. Объект в таком случае выступает в форме генитива указательного склонения (*vešete-ń pal-it', ańśak pokš sazor-ońt' il'ak pala* ‘всех поцелуй, только старшую сестру (эту, ту) не целуй’ [3, с. 57]. Объект не оформлен притяжательным суффиксом, а выступает в генитиве основного склонения, являясь объектом инфинитной формы.

Местоименные объекты могут принимать как генитивные, так и инессивные формы. Местоименные генитивные объекты нередко могут опускаться, поскольку они могут выражаться формой объектного спряжения глагола. Инессивный местоименный объект чаще всего выступает с послелогом *эйсэ*, в таком случае местоимение принимает форму генитива (*son a mińek ej-se, a tink ej-se=jak a večk-i* ‘он ни вас ни нас (тоже) не любит’ [3, с. 273]. Послелог *эйсэ* нередко может выступать самостоятельно, оформляясь при этом притяжательным суффиксом (*mežt' pop-oś manč-i ej-se-ńek, mežt' šulm-i raužo paća-so sel'me-*

hek ej-se ‘почему поп обманывает нас, почему завязывает черным платком глаза (наши)’ [3, с. 313].

Генитивный и инессивный объекты, как правило, являются определенными. Тем не менее, они используются в разных контекстах. Глагол, выступающий с генитивным объектом, чаще всего стоит в объектном спряжении, подобное действие обычно является ограниченным во времени (*kand-iže považ at'akš-oňt'* ‘принес(ла) задушенного петуха’ [3, с. 12]. И напротив, инессивный объект, как правило, выступает с глаголом в субъектном спряжении, действие при этом толкуется как незаконченное (*jaga-baba-š tonavt-i ej-se-nze* ‘баба-яга учит его/ее’). В нашем материале мы насчитали 164 глагола в форме объектного спряжения, из которых лишь 3 глагола выступают с инессивным объектом и 161 глагол – с генитивным объектом. Глаголов в основном склонении – 128, из них 16 выступают с генитивным объектом и 112 – с инессивным.

Глаголы в объектном спряжении большей частью стоят в форме прошедшего времени – 108 глаголов, что составляет 65% всех глаголов, выступающих в объектном спряжении. Данные глаголы обычно выражают действие, законченное на момент речи. Они, главным образом, сообщают о результате, а не о действии. В презенсе они выражают действие, которое полностью завершится, как правило, в будущем.

Среди исследуемого материала было найдено лишь несколько случаев, когда глагол в форме объектного спряжения выражает действие, совершающееся на момент речи (*mekš pastuh-oňt' pačalkše-d'e a kavaña-kšno-sink* ‘почему пастуха блинами не угощаете’ [3, с. 30]. В контекстах этих предложений видно, в что в данном случае имеет место быть эмоциональная окраска выражения. В русском языке, с которым мордовские языки контактируют в течение долгих лет, в подобном контексте может употребляться перфектный глагол. В русскоязычных переводах, тем не менее, формам объектного спряжения мордовских языков не всегда соответствует перфектная форма глагола. Однако в русском языке для подчеркивания эмоциональности высказывания нет необходимости всегда использовать перфектный глагол, так же как в эрзянском языке выбор объектного спряжения не является обязательным в подобном контексте.

Глаголы могут выражать длящееся действие, которое завершится на момент речи. В подобной ситуации глагол может выступать и в форме объектного спряжения. В рассматриваемом нами материале в подобных предложениях всегда встречается наречие, которое ограничивает длительность действия, поэтому использование объектного спряжения понятно. (В группу *adverbi* ‘наречие’ автор объединяет слова, подобные *koda* ‘как’, *kodak* ‘как только’, *aňšak* ‘только’) (*at'a-š baba-ňt' kodak pečka lang-sto tulkad'-si, baba-š žo kunda-š*

at'a-ńt' p'račer'-s, di pra-št' kavone-st ‘старик старуху как с печки вытолкнет, старуха же схватилась за волосы старика, и упали вдвоем’ [3, с. 27].

Если глагол выступает в субъектном спряжении, определенный объект при нем обычно принимает форму инессива. Генитивный объект с глаголом в субъектном спряжении употребляется редко. Глаголы в субъектном спряжении, как правило, выражают нерезультативное или длящееся действие, которое весьма редко бывает ограничено во времени.

Большая часть глаголов, выступающих в форме субъектного спряжения, употребляется в настоящем времени. В исследуемом материале мы насчитали 107 глаголов в субъектном спряжении настоящего времени, т. е. 85% от всех глаголов в субъектном спряжении. Основная их функция – выражение действия.

В предложениях, в которых глагол употребляется в форме прошедшего времени, глаголы выражают завершенное действие. Однако, основная функция в них – выражение самого действия, а не его результата. В предложениях с инессивным объектом нередко встречаются наречия, которые указывают на длительность, продолжительность или интенсивность действия: *jala* ‘все еще’, *koda* ‘как’ (*a skal-oś ej-se-st and-i jala* ‘а корова все кормит их’ [3, с. 73].

Фреквентативно-континуативные суффиксы (суффиксы многократности и продолжительности) могут изменять помимо семантики глагола и спряжение глагола, а также склонение объекта. В нашей работе мы обнаружили глаголы без фреквентативно-континуативных суффиксов, выступающие в объектном спряжении с генитивным объектом (*kevkst'-iž křisa-ńt', son meř-i...* ‘спросили крысу, она говорит...’ [3, с. 56], однако с фреквентативно-континуативными суффиксами в субъектном спряжении, при этом объект, как правило, в инессиве (*at'a-ś kevkst'-ńi pańića-t'ńe-se...* ‘старик спрашивает преследователей’ [3, с. 41].

В редких случаях точные (англ. *punctual*) глаголы в нашем материале выступают с инессивным объектом в субъектном спряжении. Если глагол стоит в субъектном спряжении, предложение является отрицательным или действие не полностью закончено. В утвердительных предложениях данные глаголы в нашем материале выступают в объектном спряжении с генитивным объектом. Лишь глаголы *нолдамс* ‘пускать’, *кадомс* ‘оставлять’, *сасамс* ‘достигать, догонять’ в отрицательных предложениях выступают в основном склонении с инессивным объектом. Что касается других глаголов, отрицание не влияет на выбор спряжения глагола или падеж объекта.

Объект, выступающий с чувственными глаголами, всегда принимает форму инессива. Данные глаголы выражают состояние, которое не влияет на объект предложения. Кроме

того, объект, как правило, является источником состояния, влияющим на субъект. В языках мира объект или субъект подобных глаголов принимает падежные формы отличные от случаев употребления с другими глаголами. В рассматриваемом нами материале глагол *вечкемс* ‘любить’ всегда выступает с инессивным объектом (*son ej-se-t' a večk-i, l'ed'-t'anzat, pulta-tanzat* ‘он(а) тебя не любит, застрелит, сожжет’ [3, с. 78]).

Итак, нами было выявлено, что на выбор падежной формы объекта в эрзянском языке могут влиять как особенности самого объекта и глагола, так и характеристики и информативная структура предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. 2. Синтаксис. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. – 368 с.
2. Коляденков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. – 292 с.
3. Маскаев А. И., Евсеев В. Я., Кавтаськин Л. С. Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. III, Ч. 2. Эрзянские сказки. – Саранск, 1967.
4. Aissen Ju. Differential object marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language & Linguistic Theory*. – 2002. – № 21/3. – P. 435-483.
5. Alhoniemi A. Zur Kasus kennzeichnung des Objekts im Mordwinischen // *Suomen kielitieteellisen yhdistyksen vuosikirja*. – Helsinki. – 1991. – № 3.
6. Comrie B. Subjects and direct objects in the Uralic languages: A functional explanation of case-marking systems // *Études Finno-ougriennes*. – Budapest: Akadémiai kiadó, 1975. – № 12. – P. 5-17.
7. Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and information structure // *Cambridge studies in linguistics*. – Cambridge, 2011. – № 131.
8. Moravcsik E. A. On the case marking of objects // *Universals of human language 4. Syntax* / ed. Jo. H. Greenberg. – Stanford, California, 1978. – P. 249-289.
9. Næss Å. What markedness marks: the markedness problem with direct objects // *Lingua*. – 2004. – № 114 (9–10). – P. 1186-1212.
10. Onishi M. Non-canonically marked subjects and objects: Parameters and properties // *Non-canonical marking of subjects and objects* / ed. A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi. – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. – P. 1-51.

ШЕВЦОВА А. О., НАТУРАЛЬНОВА Г. А.

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В ГОВОРАХ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ Х. ПААСОНЕНА «MORDWINISCHE WÖRTERBUCH»)**

Аннотация. В статье представлен лексико-семантический анализ этнографических диалектизмов эрзянского языка на материале словаря Х. Паасонена «Mordwinische Wörterbuch»). Данные этнографизмы отражают элементы материальной и духовной культуры мордовского этноса.

Ключевые слова: лексика, эрзянский язык, диалектизм, этнографизм, лексико-семантическая группа.

SHEVTSOVA A. O., NATURALNOVA G. A.

**ETHNOGRAPHIC DIALECTICISMS OF THE ERZYA LANGUAGE:
A STUDY OF "MORDWINISCHE WÖRTERBUCH" DICTIONARY BY H. PAASONEN**

Abstract. The article includes a lexical and semantic analysis of ethnographic dialecticisms of the Erzya language. The analysis is based on the dictionary "Mordwinische Wörterbuch" by H. Paasonen. The ethnographic lexical units represent the items of material and spiritual culture of the Mordvinian ethnic group.

Keywords: vocabulary, Erzya language, dialecticism, ethnographic lexical unit, lexical and semantic group.

Мордовские языки неразрывно связаны с жизнью мордовского этноса, его материальной и духовной культурой. Они представляют собой кладовую истории мордвы – его носителя, а лексика, в первую очередь – диалектная, непосредственно реагирует на все изменения в жизни народа. Поэтому изучение диалектизмов является актуальным, поскольку они являются богатейшим источником, изучая который можно почерпнуть сведения о состоянии языка в прошлом, быте, культуре, социальных отношениях народа.

Особое значение имеют *этнографические диалектизмы* – «слова, представляющие местные названия предметов, являющихся продуктом человеческой деятельности и известных на ограниченной территории» [2, с. 62]. Они могут дать ценный материал не только о лексико-семантическом, структурном развитии диалектных единиц эрзянского языка, но и раскрыть различные стороны хозяйства древней мордвы, языковые, социальные и культурные связи мордовского этноса с другими народами. В отличие от собственно лексических диалектизмов этнографические не имеют синонимов в литературном языке и могут быть объяснены лишь описательно.

Этнографизмы эрзянского языка, являющиеся объектом исследования в данной статье, выявлены из диалектологического словаря Х. Паасонена «Mordwinische Wörterbuch», материалы которого были собраны в период с 1889 по 1912 гг. Данный богатейший источник словарного состава эрзянского и мокшанского языков, по мнению ученых, имеет огромное значение для разработки основных проблем диалектологии, лексикологии и истории мордовских языков не только в синхронном, но и диахронном аспекте [3].

Этнографические диалектизмы, несущие в своем содержании многообразные сведения о прошлом мордвы-эрзи, классифицированы по лексико-семантическим группам, которые выделяются на основе денотативной функции наименования. Объединение таких групп наименований основано на классификации самих реалий, то есть на внеязыковых критериях, так как лексика тесно связана с внешними факторами. Исходя из конкретных данных анализируемого материала, в национально-маркированной лексике можно выделить две большие группы этнографизмов: 1) этнографизмы, связанные с материальной культурой; 2) этнографизмы, связанные с духовной культурой.

К этнографизмам, отражающим материальную культуру мордвы-эрзи, относятся:

1. Названия жилища и хозяйственных построек и их частей: *ajks'ima* E:Mar «передвижная ставня» [4, с. 15]; *ašton' kudo* E:Večk, *aštin' kuda* E:Ba, *aštun' kud* E:Šokša «прядельная комната» [4, с. 80]; *kačalka* E:Mar «крыша чулана» [5, с. 560]; *kav* E:Mkly Nask Kad Kal «амбар, клеть» [5, с. 650]; *kuz'n'ic'-kav* E:Sšant «кузница» [5, с. 650]; *kud-aks'alks* E:Kal «подполье, подвал» [5, с. 922]; *s'en'ika* E:Mar NSurk «сенник» [7, с. 2136]; *stom'ec'* E:Mar Ba Večk «торцовая балка» [7, с. 2004].

2. Названия предметов домашнего обихода и приспособлений для ведения хозяйства:

а) **наименования посуды:** *čava* E:Mar Kad Večk «миска, чаша» [4, с. 224]; *s'avardim* E:Kažl «половник» [7, с. 2094]; *vakašk'e* E:Mar Večk Kozl «чашечка» [7, с. 2513]; *v'esla* E:Mar Večk Vez Sšant «мешалка, применяемая при пивоварении» [7, с. 2627]; *sorgavks ~ sorgauks* E:Kad, *sorgavks* E:Kal «котёл, горшок» [7, с. 2014].

В данной лексико-семантической группе этнографизмов можно выделить названия посуды, используемой для питья: *brat'ina* E:Bug Večk NSurk «деревянная кружка, посудина» [4, с. 142]; *guzn'a* E:Vvr, Kal «берестяной сосуд для питья» [4, с. 432]; *nal'ovka* E:NSurk «ковшик с длинной ручкой» [6, с. 1319]; *porov-ploška* E:Večk Bag «довольно большая пивная кружка» [6, с. 1353];

б) **названия инструментов и приспособлений для ведения хозяйства:** *bald'efka* E:Atr, *baldirka* E:Ba «продолговатые палочки в ткацком станке» [4, с. 114]; *s'aftama* E:Kad «мотыга, тяпка» [7, с. 2097]; *tras't'anġka* E:Šir «шпулька, ткацкий челнок» [7, с. 2334]; *ekšej-ufn'aks* E:Kal

«колодезный журавль» [4, с. 107]; *tutks* E:Šokša, *stufks* E:Kad «ловушка» [7, с. 2346]; *londaks* E:Kad Kal «вязаная сетка для ловли птиц между деревьями» [6, с. 1347]; *ponan' noldamka* E:VVr Večk «чесалка, льночесалка, коноплечесалка» [6, с. 1347]; *v'ed'-bar'* E:Kad «ведро для воды» [6, с. 1552].

3. Названия одежды и украшений. Данная группа является самой многочисленной, поскольку мордве, проживающей на определенной территории, была характерна своя разновидность костюма. Элементы костюма являлись определителем региональной принадлежности носителя, их форма и декор у представителей разных групп эрзян значительно отличалась [1, с. 235]. В данной лексико-семантической группе этнографизмов можно выделить следующие подгруппы:

а) *названия одежды и ее частей*: *ašo pal'a* E:Večk «белая рубашка» [4, с. 77]; *pokš arst* E:Mar «верхняя рубашка невесты» [4, с. 62]; *suman' g'e(t')* E:VVr «кафтанчик» [7, с. 2053]; *oza-jur* E:Večk Bag «отрезанный рукав старой рубашки» [4, с. 543]; *uskur'avks* E:Mar Večk «поношенное платье» [7, с. 2484]; *zapunka* E:Ba Večk «передник» [7, с. 2679]; *notks* E:Atr Ba «белые полотняные праздничные портянки» [6, с. 1355];

б) *названия головных уборов*. Особая роль в национальном женском костюме отводилась головным уборам, они строго соответствовали возрасту, семейному положению, были взаимосвязаны с традиционным типом костюма. Поэтому в эрзянских диалектах они именовались по-разному: *v'äška* «головной платок, сделанный из тонкого полотна» [7, с. 2578]; *sorka* E:Kad «головной убор замужних женщин» [7, с. 2017]; *tuzo v'el'čav* E:Vvr «вышивка в головном уборе замужних женщин» [7, с. 2612]; *pod'n'ez-pac'a* E:SŠant «шёлковый головной платок, украшенный бусами» [6, с. 1494];

в) *названия обуви*: *stupn'a* E:Mar, Večk «лапоть с бортами» [7, с. 2041]; *s'er'gaj* E:MKly «обмотка, портянка» [7, с. 2139]; *s'orma* E:Kad «каждый перегиб на краю лаптя» [7, с. 2173];

г) *названия украшений*. Широкая туникообразная мордовская рубаха требовала множества дополнительных деталей, которые помогали женщине придать необходимый силуэт одежде и выполняли эстетическую функцию. В разных эрзянских говорах они именовались по-разному, ср.: *bokavka* E:VVr «кисточки на концах пояса» [4, с. 136]; *borofka* E:Is «шейное или грудное украшение» [4, с. 139]; *ezer'-p'el'* E:Vvr, *izir'-b'el'* E:Kad «украшенный вышивками довольно широкий пояс» [4, с. 393]; *el'ž'ir'e-pr'a ~ m'ešče-lanj* E:Vvr «кумачовый нагрудник рубашки» [4, с. 445]; *gajt'an* E:Mar Večk «кайма» [4, с. 406]; *galtus* E:Mar Kozl «ошейник собаки, бусы» [4, с. 407]; *s'ija* E:Mar Kažl Jeg Ba Kal «нагрудный наряд» [7, с. 2149]; *s'ulgaj* E:MKly Ba «нагрудная застёжка» [7, с. 2193]; *šerel'ka* E:Mar «ожерелье» [7, с. 2699]; *m'išuran' s'uks* E:Is «мишурный позумент на женском бедренном украшении» [7, с. 2191]; *jarmak-s'orma* E:Atr Večk «тиснение, украшение монетами» [7,

с. 2174]; *ožna* E:Is «стеклянная бусина» [6, с. 1491]; *parc'ej-c'oko* E:Mar, *parc'ej-s'oka* E:Večk «шёлковая бахрома, кисточка» [6, с. 1554];

д) *наименования вышивки*. Особое значение в мордовском костюме имела вышивка. Она отличалась многообразием, точностью и чувством ритма. Орнамент на ней выполнял не только декоративную, но и смысловую нагрузку. Вышивка украшала все элементы мордовской одежды: подол, рукав и пр. В зависимости от части костюма, где она находилась, в говорах именовалась следующим образом: *alga* E:VVr Ba Kad Večk «вышивка по низу подола рубашки», E:VVr «вышивка на рукаве»; мн. ч. E:Kad Večk «вышивка по низу подола» [4, с. 27]; *alga pr'a* E:Mar Js «вышитый нижний край сорочки» [4, с. 27]; *alga pr'at* E:Mar Ba «вышивка в нижней кайме женской сорочки» [4, с. 27]; *äl'ž'er ~ el'z'ər'ä* E:Mar Atr Vvr Ba Večk Is Sšant «вышивка по подолу женской рубашки» [4, с. 365]; *ezir'* E:Šir «нагрудная вышивка» [4, с. 393]; *ezer'-pel'n'e* E:Vvr «вышивка на воротнике» [4, с. 393]; *s'is'em s'alguma* E:VVr Is «вышивка впереди на рубашке» [7, с. 2087]; *tatarks* E:Mar «вышивка на груди рубашки» [7, с. 2286]; *v'el'č* E: Večk «вышивка на шее» [7, с. 2612].

Узоры, получившие свое наименование в зависимости от техники вышивания – *akuzovka* E:VVr «акузовская (из с. Акузово) вышивка» [4, с. 20]; *at'akšin' pulo* E:Kad «петушиный хвост» (вышивка на женской рубашке) [4, с. 87]; *c'apor-art* E:Večk «тимьянная вышивка» [4, с. 159]; *gul'ka-vac't'* E:Mar Ba «вышивка уголками» [7, с. 2501]; *pumra* E:Ba «звездообразная круглая вышивка на груди льняной рубашки» [6, с. 1844]; *s'orma* E:Mar Kad NSurk, *s'orma* E:Ba «вышивка, пушнина» [7, с. 2173]; *targavks* E:Mar «вышивка на женской рубашке» [7, с. 2275]; *v'el'čav* E:VVr «какая-то вышивка» [7, с. 2612].

4. Наименования пищи. В данную лексико-семантическую группу входят:

а) *наименования мясных продуктов*: *čen'avks* E:Mar Večk Atr Ba Is, *šän'avks* E:Nask «остатки бараньего жира, мясистое место в жире животного; резаный кусочек для поджаривания» [4, с. 239]; *t'er'g'e* E:Mar Atr Večk «студень» [7, с. 2391];

б) *названия кушаний из крупяных и молочных изделий*: *anoks* E:Mar, *anolks* E:Kal, *anotks* E:Is «осадок масла, отопки» [4, с. 47]; *v'iš-počt* E:Petr «полбяная мякина» [7, с. 2666];

в) *наименования хлебных изделий*: *kokorka* E:Atr Ba, *kokurka* E:Wr Večk «пирожок из пшеницы или полбы» [5, с. 822]; *lu-kši* E:Petr, *lu-kša* E:Ba, *luvon' kše* E:Atr Is Djurki «большой, круглый, высокий пшеничный пирог с начинкой» [7, с.1941]; *salma* E:Mar HI Kal «галушка» [7, с.1941]; *zomka* E:Mar Večk «пряник» [7, с. 2702]; *c'omara* E:Večk «галушка», E:Ba «пирожок из яровых, наполненный фаршем из свинины» [4, с. 185]; *s'uk'urna* E:Ba «пирожное» [7, с. 2191]; *očku-nardafks* E:Kad «хлебушек из остатков теста» [6, с. 1324]; *p'ed'el'ma* E:Mar «ломоть хлеба, отрезанный кусок» [6, с. 1585].

Среди названий хлебных изделий можно выделить наименования пирогов, которые готовились во время каких-либо религиозных праздников или проведения обрядов, ср.: *avalovso* E:Večk Is «подарочный пирог от родни жениха» [4, с. 89]; *avan' pr'aka* E:Večk «свадебный пирог» [4, с. 89]; *bar'-bar'-p'eščin'et'* E:Gor «пирожки-орешки, выпекаемые в канун новогоднего дня и даваемые и овцам» [6, с. 1627];

г) *наименования напитков*: *zet* E:Gor Ba Večk «самый сильный сок у пива и браги, который зимою не замерзнет» [7, с. 2685].

К этнографизмам, связанным с духовной культурой мордвы-эрзи, можно отнести:

1. Наименования обрядов и обычаев: *kičeml'ija* E:Nask «поминки во второй троицын день» [5, с. 918]; *lu-kšen (lu-kšin) t'ejima-či* E:Mar, *lu-kšun t'äima-či* E:Ba «канун свадьбы» [5, с. 908].

2. Названия праздников: *k'iza-m'ik'lka* E:Nask «летний праздник Николая» [5, с. 790]; *v'äl'in' p'iva* E:Ba, *v'el'en' p'ija* E:MKKa Js «сельское пиво, пивной праздник села» [6, с. 1691]; *verban' salmat* E:Bag «праздник молодёжи в канун вербного воскресения» [6, с. 1702]; *Xrolov-osks* E:Bag «мужской праздник жертвоприношения в августе» [5, с. 894].

В обрядах, обычаях, верованиях мордовского народа отражаются особенности социально-экономического уклада и культурных традиций, всего образа жизни. Поэтому семейные обряды, обычаи, религиозные праздники представляют важнейший источник для этнографической характеристики народа.

Таким образом, лексико-семантический анализ этнографических диалектизмов эрзянского языка показал, что в содержательном плане они очень разнообразны. Отражая национальные особенности материальной и духовной культуры мордвы-эрзи, многие из этнографизмов стали достоянием истории и вошли в пассивный состав литературного языка. В то же время они позволяют наиболее полно представить картину диалектных подразделений мордовских языков в прошлом и современном их состоянии.

Условные обозначения

E:Adaš – с. Адашево Инсарского р-на Мордовии; E:Al – с. Алово Никольского р-на Пензенск обл.; E:Atr – с. Атрать Алатырского р-на Чувашии; E:Ba – с. Баевка Николаевского р-на Ульяновской обл.; E:Bag – с. Багана Шенталинского р-на Куйбышевской обл.; E:Bar – д. Барашево Атюрьевского р-на Мордовии; E:Bug – Бугульминский р-н Самарской обл.; E:Hl – с. Отрадное Чамзинского р-на Мордовии; E:Šemb – Белинский р-н Пензенской обл.; E:God – с. Годяйкино Инзенского р-на Ульяновской обл.; E:Cor – Городищенский и Сосновоборский р-ны Пензенской обл.; E:Is – с. Исаклы Иса克林ского р-на Куйбышевской обл.; E:Kažl – с. Кажлодка Торбеевского р-на Мордовии; E:Nask – с. Наскафтым

Шемышейского р-на Пензенской обл.; E:Mar – с. Большое Маресово и с. Малое Маресово Чамзинского р-на Мордовии; E:MKly – с. Малые Кармалы Ибресинского р-на Чувашии; E:Večk – с. Старое Вечканово и с. Новое Вечканово Исаклинского р-на Куйбышевской обл.; E:Vvr – с. Великий Враг Шатковского р-на Нижегородской обл.; E:Kad – Кадом Теньгушевского р-на Мордовии; E:Jeg – д. Новогорьевка Абдулинского р-на Оренбургской обл.; E:Kal – д. Коляево Теньгушевского р-на Мордовии; E:Kozl – с. Нижняя Козловка Сергиевского р-на Куйбышевской обл.; E:NSurk – с. Новое Суркино Альметьевского р-на Татарстана; E:Petr – Петровский р-н Саратовской обл.; E:Sšant – с. Степная Шентала Кошкинского р-на Куйбышевской обл.; E:Sučk – с. Колдаис Шемышейского р-на Пензенской обл.; E:Šir – с. Широмасово Теньгушевского р-на Мордовии; E:Šokša – с. Шокша Теньгушевского р-на Мордовии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / под общ. ред. Н. П. Макаркина. – 2-е изд., доп. и перераб. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. – 720 с.
2. Русская диалектология: учебник / под ред. Л. Л. Касаткина. – М.: ИЦ Академия, 2005. – 288 с.
3. Цыганкин Д. В. Mordwinisches (мордовский) словарь Хейки Паасонена как один из богатейших источников для диалектологии и исторической диалектологии / Персональная страница мордовского ученого Д. В. Цыганкина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cigankin.ru/archives/332/.
4. Paasonen X. Mordwinische Wörterbuch. – Т. 1: A–I. – Helsinki, 1990. – 557 s.
5. Paasonen X. Mordwinische Wörterbuch. – Т. 2: K–M. – Helsinki, 1992. – 558-1305 s.
6. Paasonen X. Mordwinische Wörterbuch. – Т. 3: N–R. – Helsinki, 1994. – 1306-1927 s.
7. Paasonen X. Mordwinische Wörterbuch. – Т. 4: S–Ž. – Helsinki, 1996. – 1927-2703 s.

ДРИГАЛОВА Е. Д., МОСИНА Н. М.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ, ФИНСКИХ И ВЕНГЕРСКИХ
ПАРЕМИЙ С КОНЦЕПТОМ «ПРАВДА–ЛОЖЬ»

Аннотация. В статье осуществляется лексико-семантический анализ паремий в русском, финском и венгерском языках с точки зрения представления концепта «правда–ложь» в пословичной картине мира. Актуальность исследования обусловлена высокой значимостью данных концептов в культурах представленных народов.

Ключевые слова: паремия, пословица, поговорка, концепт, правда, ложь, русский язык, финский язык, венгерский язык.

DRIGALOVA E. D., MOSINA N. M.

LEXICAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF RUSSIAN, FINNISH AND HUNGARIAN
PROVERBS WITH THE CONCEPT "TRUTH–LIE"

Abstract. The article presents a lexical and semantic analysis of Russian, Finnish and Hungarian paroemias in terms of representation of the concept "truth–lie" in the proverb worldview. The relevance of the study is due to the high significance of these concepts in the cultures of the nations in question.

Keywords: paroemia, proverb, saying, concept, truth, lie, Russian language, Finnish language, Hungarian language.

Исследование паремийного фонда с точки зрения концептуализации представляет особую ценность, так как позволяет выявить особо значимые ценностные ориентиры, которые сложились в сознании носителей культуры и языка, закрепленные в менталитете нации.

По утверждению Л. Б. Савенковой, паремия выступает в виде родового термина для понятий "пословица" и "поговорка" и может быть определена как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях» [4, с. 173].

Концепт «правда–ложь» является одной из важнейших лингвокогнитивных структур языковой картины мира. Рассмотрению данного концепта и языковых средств его выражения посвятили свои труды такие исследователи, как Н. Д. Арутюнова [1], А. Д. Шмелев [7] и др.

Исследователь В. А. Федосов в своей работе «Дихотомия «правда–ложь» в русских и венгерских пословицах» проводит сравнительный анализ паремий с концептом «правда–ложь» в венгерском и русском языках. В ходе анализа В. А. Федосовым было выявлено, что в

области этих понятий у двух народов нет принципиальных расхождений, но отличия имеются в форме выражения суждений [5, с. 187-188].

Объектом данного исследования являются паремии, репрезентирующие концепт «правда–ложь» в двух дальнеродственных – венгерском и финских – языках и в неродственном им русском языке.

Предмет исследования – лексические и семантические особенности концептов «правда» и «ложь» в русских, финских и венгерских пословицах и поговорках.

Материалом для исследования послужили финские пословицы о правде и лжи, извлеченные методом сплошной выборки из сборника О. А. Храмцовой «Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги» [6] и Интернет-источников [9]; венгерские пословицы из сборника Габора О. Надя «Венгерские пословицы и поговорки» [8] и русские из книги В. И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» [2].

Модель концепта «правда–ложь» в данной работе представлена следующими лексемами:

1) в русском языке: существительные *правда, истина, ложь, небылица*, глаголы *лгать, врать*.

2) в финском языке: существительные *totuus* ‘правда, истина’, *rehellisyys* ‘честность’, *valhe* ‘ложь’, прилагательное *tosi* (парт. *totta*) ‘правдивый’, глагол *valehtella* ‘врать, лгать’.

3) в венгерском языке: существительные *igaz* ‘правда, истина’, *hazugság* ‘ложь, вранье’, глагол *hazudik* ‘лгать’.

1. Паремии, в которых концепты «правда–ложь» противопоставлены друг другу.

Правда, согласно Толковому словарю В. Даля [3, с. 379], – это истина на деле. Но правда – это категория дихотомичная: правда противопоставляется лжи. Следовательно, ложь – это несоответствие истине. Но взаимодействуя, они определяют друг друга:

русс. *Ложь доводит до правды*;

фин. *Parempi karvas totuus ko makea valhe* ‘Лучше горькая **правда**, чем сладкая **ложь**’;

венг. *Ritkán hazudik, ha igazat mond* ‘Редко **врет**, если говорит **правду**’.

Правда – одна, существует в единственном варианте, ложь же имеет много вариантов:

русс. *Ложью как хочешь верти, а правде путь один*;

фин. *Kolmas kerta toden sanoo* ‘Третий раз скажет **правду**’;

венг. *Száz hazugság se ér egy igazat* ‘Сто **лжей** не стоит одной **правды**’.

Как показывают примеры, о значении правды и лжи у венгров, финнов и русских сходное представление.

2. Паремии, в которых основное значение имеет правда.

Изучая паремии данных языков, мы видим, что правда является одной из главных составляющих мира и ее нельзя уничтожить ничем:

русс. *Правда в огне не горит и в воде не тонет*;

фин. *Totuus ei pala tuleksakaan* 'Правда и в огне не горит';

венг. *Ha nincs igazság, vesszen a világ* 'Если нет правды, пусть погибнет мир'.

Во многих пословицах обращается внимание на то, что одобрение людей всегда находится на стороне правды:

русс. *Кто правду хранит, того Бог хранит*;

фин. *Rehellisyys maan perii* 'Честность наследует землю'.

венг. *Ki igaz úton jár, nem botlik* 'Кто с правдой идет, не спотыкается'.

Многие пословицы утверждают, что по правде жить трудно:

русс. *Правду говорить – никому не угодить*;

фин. *Totuus on sodan ensimmäinen uhri* 'Истина – первая жертва войны';

венг. *Legnehezebb az igaz szó* 'Самое тяжелое – правдивое слово'.

В некоторых паремиях предупреждается, что не все то, о чем говорят люди, можно считать правдой:

русс. *Не все то правда, что люди говорят*;

фин. *Liian hyvää ollakseen totta* 'Слишком хорошо, чтобы быть правдой';

венг. *Nem mind igaz, amit hisznek* 'Не все то правда, во что верят'.

Во всех представленных языках встречаются пословицы, в которых правду говорят только ребенок, пьяный и дурак:

русс. *Временем и дурак правду скажет; Устами младенца глаголет истина*;

фин. *Lapsilta ja hulluilta totuuden kuulee* 'Правду можно услышать от детей и дураков';

Lasten ja imeväisten suusta saa kuulla totuuden 'Истину можно услышать от детей и младенцев';

венг. *A bolond és a gyermek mondja meg az igazat* 'Говорят правду дурак и ребенок';

Gyermek, részeg, bolond mond igazat 'Правду говорят ребенок, пьяный и дурак'.

Латинская пословица *In vino veritas* находит прямое отражение и в русском '*Истина в вине*', и в венгерском '*Bordan az igazság*', и в финском языках '*Viinissä on totuus*' и представляет собой кальки в исследуемых языках.

Таким образом, и в финских, и в венгерских, и в русских паремиях подчеркивается то, что как бы ни пытались скрыть правду, истина рано или поздно восторжествует.

3. Паремии, в которых ложь имеет особое значение.

Ложь, как известно, отрицательное свойство. В пословицах отмечается, что ложь всегда можно довольно быстро разоблачить. Приведем примеры с отмеченными лексемами:

русс. **Врешь** хорошо, да не в одно слово не попадаешь; **Ложь** до исправы; **Небылица** на тараканьих ножках ходит;

фин. **Valheella on lyhyet jäljet** ‘Следы лжи коротки’; **Suu valehtelee, mutta silmät puhuvat totta** ‘Рот лжет, но глаза говорят правду’;

венг. **Puha az orrod** ‘У тебя нос мягкий’; **Hamarabb utolérlik a hazug embert, mint a santa kutyát** ‘Скорее догонят лживого человека, чем хромую собаку’.

Но существуют ситуации, в которых, разрешается сказать неправду:

русс. Умная **ложь** лучше глупой правды; **Ложь** во спасение;

фин. **Vale auttaa aikansa, totuus pitää paikkansa** ‘Ложь помогает в свое время, правда хранит свое место’; **Mukava vale, jos on totta** ‘Ложь хороша, если это правда’;

венг. **Tisztességes hazugsás nem szégyen** ‘Честная ложь – не позор’.

Зачастую ложь от частого употребления начинает переходить в правду:

русс. **Ложь в правду** рядилась;

фин. **Kolme kertaa kun valehtelee, niin uskoo itsekin** ‘Три раза соврал – сам поверил’;

венг. **Megrögzött hazudság idővel igazság** ‘Закоренелая ложь – со временем правда’.

В приведенных пословицах отмечается, что как ни вредна ложь, она иногда бывает во благо.

Итак, проанализированный нами материал показывает, что в понимании правды и лжи у русского, финского и венгерского народа имеется много общего: модели концепта представлены сходными лексемами; среди паремий обнаружены и полные эквиваленты, и значительное число аналогов; семантика, выражаемая паремиями, очень близка и в большинстве случаев совпадает во всех представленных языках.

Также анализ позволяет выделить следующие концептуальные признаки: правда – это общечеловеческая ценность, которую невозможно скрыть, и которая имеет один единственный вариант; любая ложь – отрицательное свойство, которое присутствует в жизни каждого человека, иногда бывает во благо, но рано или поздно будет разоблачено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность / Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис: монография / под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Наука, 1992. – С. 6-39.
2. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Диамант, 1998. – 544 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. Т. 4. – М.: Русский язык, 2000. – 779 с.
4. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2002. – 240 с.
5. Федосов В. А. Дихотомия «Правда–ложь» в русских и венгерских пословицах // *Studia Slavica Savariensia*. – 1996. – №1-2. – С. 179-188.
6. Храпцова О. А. Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги. Русские пословицы и поговорки и их финские аналоги. – М.: КАРО, 2011. – 240 с.
7. Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
8. Gábor O. Nagy. Magyar szólások és közmondások. – Gondolat, 1985. – 836 old.
9. Suomalaisia sananlaskuja [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fi.wikiquote.org/wiki/Suomalaisia_sananlaskuja.

НАТУРАЛЬНОВА А. А.

СКАЗОЧНЫЕ КОНТЕКСТЫ В ПОЭМЕ Я. Я. КУЛДУРКАЕВА «ЭРЬМЕЗЬ»

Аннотация. В статье рассматриваются сказочные контексты в поэме Я. Я. Кулдуркаева «Эрьмезь». Определяется, как именно сказочные маркеры осваиваются в авторском тексте.

Ключевые слова: жанр, литературная сказка, фольклор, Эрьмезь, история, вымысел, фантастика.

NATURALNOVA A. A.

FAIRYTALE CONTEXTS IN THE POEM "ERMEZ" BY YA. YA. KULDURKAEV

Abstract. The article considers the fairytale contexts in the poem "Ermez" by Ya. Ya. Kuldurkaev. The author studies the ways of the development of fairytale markers in the author's text.

Keywords: genre, literary fairytale, folklore, Ermez, history, fiction, fantasy.

Поэма Я. Я. Кулдуркаева «Эрьмезь» (1935) содержит чрезвычайно мощный фольклорный контекст и на уровне вплетения в структуру фольклорных жанров, и на уровне использования устно-поэтической символики, и на уровне эксплуатации фольклорного мирозерцания. «Эрьмезь» содержит подзаголовок «Ёвкс кезэренъ пингедэ» («Сказка о древних временах»), позволяющий идентифицировать жанр как поэму-сказку, основанную на фантастическом вымысле. Заметим, что в последнее время у исследователей вырос интерес к литературной сказке [2].

В качестве вводного выступает эпизод подготовки к сельскому молению, несколько переосмысленный автором. Деревенский жрец созывает народ на сход, день которого назначает по своему усмотрению. Его помощник приглашает все село на праздничное моленье Богу, после этого хлеб размером с тележное колесо поднимает к солнцу, преклоняет к земле и просит Чипаза – Бога солнца: «Чипаз, кунсолук, маряк!// Тон марицясь, кода тикше касы,// Тон неицясь, кода пеште панжи.// Тон, марицясь, мерть Масторпазонтень// Чачмодо: сюронь-сюросо, тувонь – тувосо.// Кадык раштыть лишмензэ, скалонзо, ревензэ.// Минь тонеть макстано васень кши,//Тон миненек макст шумбрачи [3, с. 9]. (Чипаз, послушай и услышь! // Ты слышишь, как трава растет. // Ты видишь, как орех цветет. // Ты, слышащий, скажи Масторпазу// О плодородии: хлебу взойти хлебом, // Свинье родиться свиньей. // Пусть плодятся лошади, коровы, овцы. // Мы тебе дарим первый хлеб, // Ты нам дай доброго здоровья. – перевод наш.). После соответствующего ритуала старик Дуварма рассказывает историю о древних временах.

Е. А. Федосеева считает, что «вступление к поэме самая сильная ее часть, в ней есть высокая поэзия, хороший язык, воплощенный в певучем фольклорном стихе, представлен обряд подготовки и проведения моления, хотя и в рафинированной форме. Здесь чувствуется поэтическое вдохновение, нацеленность на создание произведения об исторической жизни эрзи и мокши в стародавние времена, когда ими руководили два сильных, оставивших в истории заметный след, князя – мокшанский Пурейша и эрзянский Пургас» [7, с. 23].

В повествовании, которое начинает Дуварма, предстает идеальный мир прошлого, когда земля была плодородна, мужчины – отважны и сильны, женщины – прекрасны и хозяйственны, скот – многочислен. Трудовая жизнь подобна празднику, но иногда он нарушается вмешательством нечистой силы и ведьмаков.

Художественное пространство поэмого мира пронизано деталями, заимствованными из фольклора. Например, симулированный обряд гадания, легенда об эрзянской богине воды Ведяве (образ которой здесь демонизируется), но более всего в тексте сказочных маркеров. Особенно мощно они начинают фигурировать в части, когда Эрмезь сватает Котову. Ее отец, мокшанский князь Пурейша, требует от претендента на руку дочери выполнить три невыполнимые задачи (традиционный сказочный прием): добыть кочедык, который сам плетет лапти; принести челнок, который сам прядет нитки; суметь переждать год до свадьбы.

Кроме этого, в поэме-сказке появляется традиционное распутье, как правило, побуждающее героя сделать жизненно важный выбор, что «позволяет раскрыться его внутренним силам, о которых и он сам не всегда подозревает» [7, с. 26]. Но у Я. Я. Кулдукраева символы ведут себя нетрадиционно. Так, Эрмезь, оказавшись на перепутье, не может принять никакого решения и засыпает. В полночь появляется сидящая на свинье старуха, которой сын Пургаса излагает свою проблему, и она соглашается ему помочь: привозит его в свою избушку, кормит, поит, укладывает спать, затем провожает к дому своего брата – хранителя чудесного кочедыка. Очевидно, что образ кулдукраевской старухи синонимичен образу сказочной Бабы-Яги, напоминающей тип русской Яги-дарительницы [4, с. 53], которая сочувствует герою и помогает ему выполнить назначение. Эрмезь становится помощником пасечника, чтобы, улучшив момент, украсть у него кочедык. Эрмезь, в обычной жизни демонстрирующий неспособность быстро принимать решения, в исключительной ситуации обретает ловкость и хитрость и находит способ обмануть колдуна-пасечника. Здесь вновь поэт заставляет активизироваться сказочный контекст: его герой рубит огромный дуб, прорубает в стволе расщелину и вставляет в нее клин. В расщелину помещает свои руки, убеждая пасечника в том, что таким образом они быстро согреются. Старик доверяется хитрецу и оказывается в тисках у дерева. Эрмезь

забирает кочедык и относит родителям Котовы, которые сразу же придумывают для него новое испытание.

Ситуация повторяется по сложившейся схеме: Эрмезь ночью выходит на знакомую дорогу, засыпает, в полночь появляется пасечный старик на слепом жеребце, под давлением героя обещает помощь – отправляет его к своей сестре, хранящей волшебный челнок, на остров, находящийся посередине огромной реки. Река не пускает чужака, он ударяет по водной глади палкой и появляется мост, по которому он добирается до жилища старухи, получает волшебный челнок и стремится к Котове, мать которой объявляет, что свадьба будет только через год.

Очевидно, что автор прививает черты демонологической сказки к своей поэме, погружая главное действующее лицо в запредельное пространство, в мир ведьмаков и нечистой силы. Такой прием понимается неоднозначно (наполняясь, между прочим, и смеховым содержанием [6]), поскольку изначально Эрмезь презентуется как сын эрзянского князя Пургаса, который есть реальное историческое лицо. И в историческом повествовании (историческом романе, повести, поэме) должны соблюдаться определенные правила при создании художественного образа исторического героя [см. об этом: 1; 8; 9].

Сказочные контексты переплетаются с историческими, когда Эрмезь отправляется биться с многочисленными врагами – Пурейша, поддержанный половцами и русскими князьями, нападает на княжество Пургаса. Собираясь на битву, Эрмезь умоляет мать и невесту внимательно следить за ножом, воткнутым в бревно: «Петниндеряй ведь те пшти пеельстэнтъ, // Мерее мондень: кармась сиземе. // Пургиндеряйтъ верть пеелентъ эйтэ, // Мерее: чавизь, кулось Эрмезенк [3, с. 58]. (Закапает вода с этого острого ножа, // Скажите обо мне: начал уставать. // Закапает кровь с ножа, // Скажите: убили, умер наш Эрмезь. – перевод наш).

Эрмезь уподобляется здесь герою известной сказки Ивану Быковичу: «На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: – Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – все ничего, а если через край польет – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне» [5, с. 78].

Битва, которая предстоит Эрмезю, воспринимается как один из неперенных элементов сюжета поэмы. В основе «Эрмезя» – сказочная схема, в соответствии с которой герой должен преодолеть три препятствия: два – несложных и третье, сопряженное с риском для жизни. Первые два испытания (добывание волшебного кочедыка и челнока) Эрмезь

преодолевают быстро. Третье испытание (удержать и защитить невесту) становится опасным для всех эрзян, потому что сражаться нужно будет с мокшанами, половцами и русскими одновременно. Сразу возникает аналогия с трехголовым Змеем Горынычем [7, с. 30-33]. Эрмезь, как сказочный богатырь, вступает в противостояние с воинством, имеющим три «головы» – половецкую, мокшанскую, русскую.

Еще один любопытный сказочный маркер фигурирует в эпизоде диалога Дыдая и Эрмезя. Эрмезь просит друга дать воды, чтобы успокоить сердце, унять душевную тоску и прогнать усталость. Здесь рождается аналогия с мертвой и живой водой, используемой для оживления разрубленного на части Ивана-царевича. Но у Я. Я. Кулдуркаева вода оживляет не буквально погибшего героя, а утомленного физически и эмоционально. Живительные способности воды наполняют Эрмезя новой силой.

Кроме сказочных мотивов, в поэме звучат и мифологические. Например, Эрмезь и Котова, счастье которых невозможно, превращаются в березу (Котова) и холодный камень (Эрмезь): береза-Котова стоит посреди эрзянской земли, и каждую весну девушки водят вокруг нее хороводы и поют песни.

Действительность и фантастика, взятая из волшебной сказки и демонологической былички, крепчайшим образом связаны в поэме Я. Я. Кулдуркаева: Сура и Мокша, Пургас и Пурейша, русский и половецкий князья есть исторические приметы. Ведьмаки и ведьмы, разъезжающие на свиньях, свиное стадо, превращающееся в войско, кочедык, сам плетущий лапти, и челнок, сам прядущий нить, есть фантастические детали.

Основная идея в художественном произведении воплощается в образе главного действующего лица – выразителя авторской концепции реальной действительности. Но в данном случае отношения с запредельным миром делают образ Эрмезя в некотором роде алогичным. В волшебных сказках герой тоже контактирует с Бабой Ягой, Кошмеем Бессмертным, Морским царем, Серым Волком, Коньком Горбунком и т. д. Он и сам может быть волшебником, обладать даром оборотничества. В поэтической сказке, каковой является «Эрмезь», герой тоже мог бы обладать такими чертами, если бы не был презентован как сын исторически реального князя Пургаса. Пребывание в пространстве двух миров, человеческом и демоническом, не может быть ничем оправдано в данном случае. А вот товарищ Эрмезя – Дыдай, созданный по модели персонажа волшебной сказки, на наш взгляд, полноценен и легко существует в фантастическом и реальном хронотопах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в поэме «Эрмезь» звучат мотивы волшебного-фантастического сказочного, но сюжет, герои и язык – авторские. Я. Я. Кулдуркаев, обращаясь к фольклорному материалу, пытался решить креативные задачи. Несмотря на это, автор абсолютно правильно применяет законы фольклора, грамотно используя основные

сюжетообразующие элементы волшебной сказки (враждебный тесть; трудные задачи; связь с потусторонним миром; предметы, дающие изобилие; волшебные предметы, помогающие герою; похищение невесты; ночная старуха, напоминающая Бабу Ягу; дом в лесу; защемление рук колдуна в расщелине дерева; переправа через мост; живительная вода; змей; бой).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гераськин Т. В., Шаронова Е. А. Фольклорно-исторические контексты повествования в романе-сказании К. Г. Абрамова «Пургаз» // Финно-угорский мир. – 2013. – № 4. – С. 12-17.
2. Гудкова С. П., Шаронова Е. А. Особенности интерпретации фольклорного материала в современной литературе (на примере поэмы А. М. Шаронова «Иван и Жар-птица» // Гуманитарные науки и образование. – 2014. – № 2. – С. 163-164.
3. Кулдуркаев Я. Я. ды лият. Кезэренъ пингедэ. Эрзянь раськеде. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 136 с.
4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 368 с.
5. Русские сказки: Из сборника А. Н. Афанасьева / сост., послесл. и словарь малоупотреб. и обл. слов В. П. Аникина. – М.: Изд-во худ. лит-ры, 1987. – 383 с.
6. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-1 (34). – С. 163-167.
7. Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 212 с.
8. Шаронова Е. А. Сюжетообразующая роль песни «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу, хожу по острому ножу...» в романе «Обитель» Захара Прилепина // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 144-147.
9. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман в финно-угорском литературном дискурсе 1980-2000-х гг. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 105 с.

ПОЛЧЕНКОВА Г. В., НАТУРАЛЬНОВА Г. А.

**ТИПЫ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ЛЕКСИКЕ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА С. ШОКША ТЕНЬГУШЕВСКОГО РАЙОНА РМ)**

Аннотация. В статье представлено исследование лексики шокшанского диалекта эрзянского языка на материале говора с. Шокша Теньгушевского района Республики Мордовия. Охарактеризованы типы диалектизмов в зависимости от их соотношения с лексическими единицами эрзянского литературного языка.

Ключевые слова: лексика, эрзянский язык, мокшанский язык, шокшанский диалект, фонетический диалектизм, словообразовательный диалектизм, лексический диалектизм, этнографизм.

POLCHENKOVA G. V., NATURALNOVA G. A.

**DIALECTISM TYPES OF THE ERZYA LANGUAGE VOCABULARY:
A STUDY OF SHOKSHA VILLAGE OF TENGUSHEVSKIY DISTRICT
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Abstract. The article presents a study the vocabulary of the Shoksha dialect of the Erzya language. The analysis is based on the dialectisms of Shoksha village of Tengushevskiy district of the Republic of Mordovia. The authors describe the types of dialecticisms in connection with on their relationships with the lexical units of the Erzya literary language.

Keywords: vocabulary, Erzya language, Moksha language, Shoksha dialect, phonetic dialectism, derivation dialectism, lexical dialectism, ethnographic lexical unit.

Словарный состав говоров мордовских языков один из наименее разработанных разделов мордовской диалектологии. Имеющиеся работы по отдельным говорам отражают лишь их фонетические и морфологические особенности, огромное лексическое богатство диалектов мордовских языков в полной мере еще не раскрыто.

Данная статья посвящена исследованию лексики шокшанского диалекта эрзянского языка на материале говора с. Шокша Теньгушевского района РМ. Следует отметить, что шокшанский диалект всегда представлял интерес для языковедов. Еще М. Е. Евсевьев, исследователь мордовского фольклора, этнографии и языка, первым выделивший в эрзянском языке четыре диалектные группы по территориальному признаку, отмечал, что язык «кадомской эрзи» важен для истории мордовского языка, так как в нем встречается большое количество особенностей, характерных для прамордовского языка [2, с. 14-15]. Профессор Д. В. Цыганкин

подчеркивает, что в лексике шокшанского диалекта взаимодействуют несколько лексических подсистем: слова мокшанского происхождения, эрзянские слова и слова, присущие лишь этому диалекту [8, с. 36]. Г. И. Ермушкин обращает внимание на то, что анализируемые говоры имеют крепкие многовековые связи с русскими говорами, которые отражены в лексике [3, с. 23]. Исследователи шокшанского диалекта с точки зрения лингвогеографии Гребнева А. М. и Митюнина Г. А. относят его к островному типу, отличительными чертами которого являются отрыв от основного языка (эрзянского) и активные связи с другими языками (мокшанским, русским) [1, с. 58]. Статьи Г. А. Натуральной посвящены рассмотрению фонетических особенностей русских заимствований в лексике шокшанского диалекта [4], а также исследованию антропонимики в рассматриваемых говорах [5, 6].

Несмотря на такое внимание к шокшанским говорам и их значение для истории мордовского языкознания, их языковые особенности, в том числе и лексические, до сих пор остаются мало изученными. Тем не менее, в лексике шокшанского диалекта встречается много слов, характерных только для него. Они отражают своеобразие природных условий, особенностей хозяйственной жизни и быта мордвы-шокши.

В зависимости от соотношения со словами литературного языка в лексике шокшанских говоров можно выделить несколько групп диалектных слов: фонетические, словообразовательные, лексические [7, с. 211].

1. **Фонетические диалектизмы** совпадают по значению со словами литературного языка, но отличаются фонетическим обликом. Это объясняется существующими в говорах фонетическими особенностями.

Следует отметить, что данная группа самая многочисленная. Изменения фонетической структуры слова могут происходить в результате разных звуковых процессов, при этом фонетические изменения можно наблюдать в начале слова, в середине и в конце:

1) вставки звуков в начале и середине слова: ш. *ужел'амс* – э. л. *жалямс* «жалеть»; ш. *истый* – э. л. *кстый* «ягода»; ш. *истамс* – э. л. *стамс* «шить»; ш. *лавкс'* – э. л. *лавсь* «люлька, колыбель»; ш. *к'эндыр'бакар'* – э. л. *кенерепакарь* «локоть»; ш. *п'ус'т'ид'имс* – э. л. *пстидемс* «лягнуть»; ш. *ис'камун* – э. л. *ськамон* «один»;

2) выпадения звуков: ш. *л'екс* – э. л. *левкс* «детеныш»; ш. *п'ичер^кт'* (пря + черть) – э. л. *прячерть* «волосы»; ш. *човда* – э. л. *чопода* «темнота, темно»; ш. *крас'т'имс* – э. л. *кирвазтемс* «зажечь»; ш. *к'ебд'имс* – э. л. *кепедемс* «поднять»;

3) мены звуков: ш. *т'ора* – э. л. *цёра* «мужчина»; ш. *пат'а* – э. л. *паця* «платок»; ш. *в'из'ир'* – э. л. *узере* «топор»; ш. *эхкакш* – э. л. *эйкакш* «ребенок»; ш. *варжамс* –

э. л. *варштамс* «посмотреть»; ш. *повумс* – э. л. *понгомс* «попасть»; ш. *бр'иг'ин'э* – э. л. *пурьгине* «гром»; ш. *эичимс* – э. л. *аштемс* «стоять»;

4) перестановки звуков: ш. *каров* – э. л. *карво* «муха»; ш. *кокстыйамс* – э. л. *скокаемс* «прыгать»; ш. *в'едыр'киш* – э. *ведрекиш* «телка».

2. **Словообразовательные диалектизмы** отличаются от слов литературного языка морфемным составом. Это слова, однокоренные со словами литературного языка, имеющие то же лексическое значение, что и в литературном языке, но различающиеся аффиксами: ш. *н'изам'инг'э* – э. л. *низаня* «теща»; ш. *томулка* – э. л. *тонол* «головешка»; ш. *лувташка* – э. л. *ловтаня* «бледный»; ш. *умарксна* – э. л. *умарина*, *умарькс* «яблоня»; ш. *грушаксна* – э. л. *груша* «груша»; ш. *вишынге* – э. л. *вишине* «маленький»; ш. *ватас'* – э. *вата* «тесть»; ш. *валаз'а* – э. л. *валаня* «гладкий».

3. **Лексические диалектизмы** неоднородны, в них можно выделить следующие группы: собственно лексические, лексико-семантические и этнографические.

Собственно лексические диалектизмы – слова, отсутствующие в литературном языке и в разных говорах по-разному называющие одно и то же понятие. Собственно-лексические диалектизмы называют вещи и понятия, широко распространенные, поэтому они могут иметь синонимы в литературном языке, образуя синонимические ряды: ш. *бас'н'амс* – э. л. *кортамс* «говорить»; ш. *кр'ишт'ифт'имс* – э. л. *снимамс* «сфотографировать»; ш. *ад'э* – э. л. *вий* «сила»; ш. *ишчавай* – э. л. *сырькай* «бабушка по маминой линии»; ш. *ишчт'ит'ей* – э. л. *бодя* «дедушка по маминой линии»; ш. *ашардумс* – э. л. *ютамс* «пройти»; ш. *кабала* – э. л. *конёв* «бумага»; ш. *эр'м'э* – э. л. *ули* «есть»; ш. *руз'эй* – э. л. *атяка туво* «боров»; ш. *п'ин'э* – э. л. *киска* «собака»; ш. *бабушка* – э. *поревкс* «огрызок»; ш. *ботамс* – э. *чавомс* «бить»; ш. *уча* – э. *р'эв'э* «овца»; ш. *тос'т'эд'имс* – э. л. *тулкадемс* «толкнуть»; ш. *сэрфт'ин'гэ* – э. л. *аволь домка*, *мазя* «неглубокий, мелкий»; ш. *т'ор'ик* – э. л. *торла* «тёрн»; ш. *стыр'* – э. л. *тейтерь* «девушка»; ш. *к'иржа* – э. *аламо* «мало».

Многие слова являются немотивированными и, как правило, нечленимыми, например: ш. *л'эцст'уха* – э. л. *васькавтыця*, *чевте* «ласковый»; ш. *тарвафтумс* – э. л. *чавомс*, *маштомс* «убить»; ш. *пац'онушка* – э. *чиньжарамо* «подсолнух».

Лексико-семантические диалектизмы – слова, совпадающие в написании и произношении с литературными, но отличающихся от них своим значением. Подобные диалектизмы являются омонимами по отношению к словам литературным. Например, ш. *п'ит'имс* «обманывать» – э. л. *пицемс* «обжигаться»; ш. *в'эшымс* «хотеть», «сватать» – э. л. *вешемс* «просить, попросить»; ш. *валаз'а* «гладкий», «полный» – э. л. *валаня* «гладкий»;

ш. *п'эзымс* «помыть голову» и «застрять» – э. л. *пезэмс* «помыть голову».

Этнографические диалектизмы, или *этнографизмы* – слова, которые распространены только в определенном говоре. Они являются названиями местных предметов быта (одежды, кушаний, построек и пр.). В отличие от собственно лексических диалектизмов большинство этнографических диалектизмов не имеют синонимов и могут быть объяснены лишь описательно. В говоре с. Шокша выявлены:

1) этнографизмы-названия кушаний: ш. *т'икишам* – э. л. *ям* «суп»; ш. *ч'эп'эд'* «окрошка»; ш. *к'исл'ат* «сваренное из пшеничной муки на крошке блюдо»; ш. *чапакс-ламбакс* «сваренное из ягод и ржаной муки сладкое блюдо»;

2) этнографизмы-названия построек, частей дома: ш. *аштын'* куда «дом, в котором раньше собирались женщины, которые пряли, вязали, шили, при этом пели песни и рассказывали истории»; ш. *п'ин'ада* – э. л. каштом «печка»; ш. *п'ин'ананга* – э. л. *каштомланго* «место на печи»; ш. *сэд'алкс* – э. л. *каська* «подпол»;

3) этнографизмы-названия одежды: ш. *сорка* «головной убор в национальной одежде»;

4) этнографизмы-названия приспособлений: ш. *купар'эла* – э. *мотыга* «мотыга»; ш. *в'эд'бар'* – э. л. *ведра* «ведро»; ш. *ура* – э. л. *пелема* «бурав»;

5) этнографизмы-названия праздников: ш. *к'ир'аксч'э* – э. *Мастя* «масленица».

Таким образом, анализируемый лексический материал, отражающий лишь малую часть словарного состава шокшанского диалекта, представляет особенности местности проживания, социальных отношений, специфику быта и культуры мордвы-шокши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гребнева А. М., Митюнина Г. А. Шокшань кортавкстнэнь валонь сюлавчинь ареально-типологической ёнкстнэ // Финно-угристика 5: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Красн. Окт., 2003. – С. 58-65.
2. Евсеев М. Е. Основы мордовской грамматики / Избранные труды. – Саранск, 1963. – Т. 4. – 346 с.
3. Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. – М.: Наука, 1984. – 142 с.
4. Натуральнова Г. А. Фонетические особенности русских заимствований в шокшанском диалекте эрзянского языка (на материале шокшанских говоров Теньгушевского района) // Финно-угорский мир. – 2015. – № 2. – С. 38-45.

5. Натуральнова Г. А. Имена родства в антропонимии шокшанского диалекта эрзянского языка [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2016/03/1930>.
6. Натуральнова Г. А. Уличные фамилии мордвы-шокши (лексико-семантический анализ) // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 2 (26). – С. 111-116.
7. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология: учебник. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2001. – 415 с.
8. Цыганкин Д. В. Взгляд лингвиста на лексико-фонетические особенности шокшанского диалекта эрзя-мордовского языка // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. – Саранск, 2000. – С. 36-40.

СИДОРОВА А. А.

СПЕЦИФИКА ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

В РОМАНЕ М. ПЕТРОВА «АЛЕНА АРЗАМАССКАЯ»

Аннотация. В статье исследуются принципы репрезентации образа национальной героини Алены Арзамасской в одноименном романе М. Петрова. Анализируется индивидуально-авторская концепция человека и истории.

Ключевые слова: образ, историческая личность, роман, концепция, художественные средства.

SIDOROVA A. A.

SPECIFICS OF PERSONIFICATION OF HISTORICAL CHARACTER'S IMAGE

IN THE NOVEL "ALENA ARZAMASSKAYA" BY M. PETROV

Abstract. The article considers the principles of representation of the national heroine image of Alena Arzamasskaya in the same name novel by M. Petrov. The signature author's conception of individual and history is analyzed.

Keywords: image, historical character, novel, conception, artistic means.

В настоящее время вполне обоснованным и объективным считается исследовательская позиция о том, что «в основе идейно-философской концепции современного мордовского романа проявляется нацеленность на постижение исторических закономерностей, соотнесенность человека и истории, судьбы личности и народа. Романная мысль направлена на осмысление роли индивида на определенном историческом фоне, на выявление сложнейшей взаимосвязи и взаимообусловленности человека и истории» [5, с. 20]. Данная мысль подтверждается целым рядом произведений национальных авторов – А. Куторкина, К. Абрамова, М. Сайгина, М. Петрова, А. Щеглова, А. Доронина и др.

С различных аспектов художественного целого интерес представляет роман М. Петрова «Алена Арзамасская» [1], в котором репрезентован трагический образ предводительницы Крестьянского восстания, разгоревшегося в Поволжье в 1670–1671 годах, Алены Арзамасской (Темниковской). Данный исторический факт находит осмысление в целом ряде произведений писателей Мордовии. По утверждению литературоведов, «интересную тему художественного воплощения образа Алены подсказал мордовским писателям проявивший большой интерес к национальным литературам А. М. Горький на Первом Всесоюзном съезде писателей в 1934 году. Первым поэтическим произведением о подвиге Алены стала драма П. Кириллова «Литова», опубликованная в 1939 году. Впоследствии эта традиция была продолжена в поэмах «Песнь об Алене Арзамасской»

С. Люлякиной, «Алена» А. Моро, «Вечный огонь или повествование об атаманше Алене» Э. Симдяновой, «Мурза Акайка» В. Юшкина, «Баллада об Алене» А. Мартынова, в балладе «Алена» А. Тяпаева, в романе «Алена Арзамасская» М. Петрова, в повести М. Брыжинского «Ради братьев своих» [4, с. 62].

Следует говорить о том, что М. Петров, естественно, опирается на эпическую традицию эстетического воплощения образа Алены, однако он представляет оригинальное видение ее личности, роли в общественно-историческом процессе. Героиня изображена не только и не столько как талантливый военачальник и организатор повстанческого движения, но как простая женщина со своими сильными и слабыми сторонами, сомнениями и ошибками, непростой судьбой, потребностями реализоваться.

Перед М. Петровым как писателем историком стояла сложная задача: посредством художественного слова воссоздать образ исторической личности, при этом уметь балансировать между вымыслом и документальной правдой, что является основным условием исторической литературы. К моменту создания анализируемого романа писатель уже имел опыт работы с историческими повествованиями – «Румянцев-Задунайский», «Боярин Российского флота». Следует сказать, как и в вышеназванных произведениях, в «Алене Арзамасской» романист трепетно обходится с историческими данными, не искажает хода политических событий и логики общественного процесса, при этом оперирует богатым арсеналом художественных средств образности, что позволило ему избежать документальной сухости, изобразить эстетически полноценный образ, раскрыть мировосприятие человека XVII века, внутренний мир женщины.

Романист отказывается от принципа традиционной презентации героини читателю посредством портретного описания. В самом начале романа об Алене узнаем со слов прибывшего к царю Алексею Михайловичу изгнанного повстанцами темниковского воеводы Челищева: «Как напали воровские люди, так стрельцы мои сделались будто овцы какие... Слух есть: арзамасская колдунья порчу на них напустила. ...Колдунья-то во всей округе известна. Всех мужиков околдовала, большое войско из них собрала» [1, с. 14-15]. Таким образом создается ореол мистики, нарратив наполняется мотивом сверхъестественного, непознанного, потустороннего, героиня наделяется чертами сказочных существ, способных перевоплощаться и принимать различные облики.

В процессе сюжетно-событийного дискурса встречаем иное восприятие личности Алены. На этот раз репрезентирующим выступает муромский воевода: «...раньше монашкой была, а потом лекарила. Лекарка такая, какую более не сыскать. Мертвого на ноги поставит. ... Умная баба...» [1, с. 25]. Мистический образ героини начинает приобретать

реалистические и практические характеристики, определение «колдунья» сменяется «целительницей».

Данные позиции восприятия личности Алены М. Петров реконструирует, опираясь на документальные материалы. В «отписках» (донесениях) князя Юрия Долгорукова царю Алексею Михайловичу часто встречается упоминание о том, что Темников захватили разбойники во главе с атаманами Разина и арзамасской колдуньей. В тексте находим оценку царем данных сообщений: «Алексей Михайлович был неглупым и для своего времени образованным человеком, но он, как и большинство людей его века, верил в существование колдунов, чертей и прочей нечисти...» [1, с. 15]. Следует говорить о том, что восприятие современниками Алены как колдуньи было, к сожалению, самым распространенным. Об этом свидетельствует описанная автором сцена казни старицы, когда из толпы раздаётся уничижительное «колдунья». С течением времени деяния и мученическая смерть Алены стали восприниматься в народе как подвиг. В сознании людей формируется образ целительницы, героини, отдавшей жизнь ради народного счастья. Об этом, в частности, свидетельствуют бытующие среди мордовского народа сказания, предания.

Таким образом авторский портретный рисунок в романе предваряется вложенной в уста разных персонажей информацией об основных этапах и образе жизни героини, ее занятиях и мировосприятии. Портрет немногословен, стилистически строг, эмоционально крайне сдержан, однороден по цветовой гамме: «...из другой половины избы показалась женщина лет сорока – сорока пяти, одетая в черную душегрейку и повязанная по-старушечьи платком такого же цвета. Черные брови, большие черные глаза, тонкие плотно сжатые губы... В ее облике была какая-то непостижимо-покоряющая строгость...» [1, с. 37]. Складывается впечатление, что испытывающий к героине уважение автор боится ненароком словом исказить ее портрет, обидеть ее чувства. «Строгий» портрет соотносим с духовным миром героини. Алена – женщина глубоко верующая, богобоязливая, живет аскетично, руководствуясь моральными принципами, христианским учением, поэтому за свою помощь она никогда не брала денег, считая их злом. Как ни парадоксально, статичный портрет не только обнажает внутреннюю сущность героини, но и проецирует ее жизненный путь. В нем, как в зеркале, отражается трагичность мировосприятия женщины.

В процессе повествования складывается реалистичный образ женщины, жившей в XVII веке. Мировосприятие, окружение Алены передают атмосферу, «дух» исторической эпохи, в которую она вписывается вполне гармонично. Однако следует выделить одну важную деталь, которая превращает женщину в неординарную личность – простая крестьянка становится предводительницей многотысячного мужицкого войска, которая не только отдает приказы, но и первоначально разрабатывает стратегию действий. Об этом

свидетельствует переданный в форме несобственно-прямой речи монолог героини: «Веди нас, матушка, на Арзамас, – говорили повстанцы. Алена их понимала, но обещаний в отношении Арзамаса не давала. Нельзя обещать невозможное. В городе слишком много стрельцов и рейтаров, чтобы рассчитывать на победу. Самым разумным остается одно: идти в Темников на соединение с атаманом Сидоровым. После соединения крестьянских войск Темников может стать главной опорой повстанческого движения во всем крае» [1, с. 79].

Справедливости ради следует уточнить, что Алене не удалось в полной мере реализоваться как военачальнику, очень скоро она понимает, что воевать – не женское дело. Умная, рассудительная, она осознает, что ее призвание – творить добро, исцелять больных, помогать людям делом или словом. Именно поэтому на Большом круге атаманов она отказывается принимать ответственное решение. Такое поведение не является признаком безответственности, слабости человека – это решение женщины. При условии изображения ее отважным воином автор пошел бы, на наш взгляд, по неверному и нереалистичному пути. Условия и обстоятельства национальной жизни XVII века не могли явить образец воинского мастерства в лице женщины-крестьянки. М. Петров реалистично изображает этнопсихологический портрет женщины определенной исторической эпохи.

Характер Алены раскрывается в ее делах и поступках. Она с одного взгляда могла определить, здоров ли человек, нужна ли ему помощь. У нее не было своих детей, но был чутко инстинкт материнства. «Алена любила Парашу как дочь. ...Однажды Параша явилась к ней, одинокой знахарке-лекарке, жалкой нищенкой. Голодной, в порванной одежде... Алена накормила ее, помыла, одела, дала приют. С тех пор они не расставались» [1, с. 41-42]. Сердце одинокой женщины, которой довелось пройти через вереницу трагических ситуаций (смерть мужа, разочарование и обман в монастыре), оказалось полным любви, добра, с которыми она делится с бедной девушкой, ставшей в свою очередь самым близким человеком Алене. Сила, глубина, душевная щедрость женщины – в умении быть матерью. Следует сказать, что повстанцы ласково называли ее «матушкой». В этом слове кроется и искренняя любовь, и глубокая признательность.

Взаимоотношения старицы с повстанцами раскрывают сложность и многосторонность ее натуры. Она никогда не показывала своих слабостей и от подчиненных требовала твердости духа и силы характера. Порой она находилась в раздраженном состоянии, могла повысить голос, однако в это время ею управляла не злость, а осознание того, что иначе поступить нельзя. По-настоящему нетерпима она была лишь к угнетателям.

Алена приняла мученическую смерть. Историки свидетельствуют: «... темниковцы привели к Долгорукову попа Савву, 18 человек крестьян и вора особенного рода, вора-еретика-старицу. Попа с товарищами повесили около Темникова, а богатыря-ведьму XVII

века сожгли в струбе, как еретицу, вместе с чародейными бумагами (заговорами) и кореньями» [2, с. 314]. М. Петров описывает эмоциональную драматическую картину казни Алены и ее соратников, ставших жертвой предательства. Старица умирает с божьими словами на устах, ссылается на священное писание, отказывается покаяться и повиниться. «Двое стражников привязали ее к столбу. Алена не сопротивлялась и не произносила никаких слов. Видно было, она покорилась ожидавшей ее участи» [1, с. 329]. Стойкость, спокойствие, уравновешенность, что характеризовало героиню, проявляет она и в последние минуты своей жизни.

Гибель героини сопряжена с христианским мотивом возмездия. Когда огонь вступил в полную силу, запылали стены сруба, случилось мистическое происшествие: налетел ураганный ветер, усиливший огонь. Вскоре он охватил не только ближние постройки, но и всю крепость. Началась паника, люди стали искать спасение. Огненная стихия словно мстит людям за гибель старицы. Метафорический образ огня может интерпретироваться как символ очищения жизни от бед, несправедливости, лжи, лицемерия, против которых и боролась Алена. То, что она начала, завершил огонь. Он словно помогает ей в ее правом деле. В романное повествование снова проникает мистическое начало.

В романе М. Петрова «Алена Арзамасская» прослеживаются черты, характерные для современной мордовской литературы в целом, – «философское осмысление исторических событий, ...усиление лирико-психологического начала, отказ от излишней описательности, информативности, привлечение драматургических средств изображения» [3, с. 285]. Вместе с тем правомерно говорить о самобытной авторской концепции человека и истории, оригинальных принципах и средствах репрезентации образа национальной героини Алены Арзамасской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров М. Алена Арзамасская: ист. роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – 352 с.
2. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. Кн. VI. – М.: Изд-во соц.-эконом. лит-ры, 1961. – 683 с.
3. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман: вопросы жанра, истории и поэтики // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2010. – № 11. – С. 280-288.
4. Шеянова С. В. Современный мордовский роман: проблематика, поэтика: монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 284 с.
5. Шеянова С. В. Современный мордовский роман (1980–2000-е гг.): типология, проблематика, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. – Саранск, 2014. – 446 с.

КЛЕМЕНТЬЕВА Е. Ф., МАТОРКИНА А. Е.
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
СРАВНЕНИЙ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются основные морфологические средства выражения сравнений в эрзянском языке – падежные формы компаратива и транслатива. Авторы также уделяют внимание сравнительным конструкциям с формой номинатива и степеням сравнения прилагательных и наречий.

Ключевые слова: сравнение, морфологический способ выражения, сравнительная конструкция, компаратив, транслатив, номинатив.

KLEMENTYIEVA E. F., MATORKINA A. E.
MORPHOLOGICAL MEANS OF EXPRESSING COMPARISONS
IN THE ERZYA LANGUAGE

Abstract. The article considers the main morphological means of expressing comparisons in the Erzya language – the comparative case and the translative case. The authors also analyze the comparative constructions with the nominative form and the degrees of comparison of adjectives and adverbs.

Keywords: comparison, morphological means, comparative construction, comparative case, translative case, nominative case.

Сравнение является универсальной категорией и объектом изучения различных наук: философии, психологии, логики, математики, литературоведения, лингвистики. Каждая наука выделяет в ней необходимые именно для нее аспекты исследования.

В языкознании встречается немало определений сравнения. Так, Ахманова О. С. в «Словаре лингвистических терминов» дает следующее определение сравнения как лингвистической единицы: «Сравнения – понятия равенства-неравенства, большей или меньшей степени качества, находящие выражения как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии. Это фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, сходного с первым» [2, с. 450].

Авторы «Стилистики и литературного редактирования» сравнением называют образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку, при этом в объекте сравнения выявляются новые, неординарные свойства [4, с. 415].

Сравнительная конструкция с точки зрения семантики содержит три составляющие:

- 1) то, что сравнивается, или предмет сравнения;
- 2) то, с чем сравнивается, или образ сравнения;
- 3) и основа сравнения, которая указывает на общий признак, по которому идет сравнение.

В эрзянском языке средства выражения сравнения не однородны и по форме, и по содержанию. К средствам выражения сравнений по форме относятся падежные, союзные, послеложные конструкции. Смысловые конструкции образуют средства, которые выражают образное, условное сравнение, предметно-логическое сопоставление. В образных сравнительных конструкциях у сравниваемых предметов есть общие признаки. Напротив каждого предмета стоит какой-то образ. В условных сравнительных конструкциях нет признака, через который идет сравнение. Через него предмету дается субъективная оценка. В предметно-логических конструкциях вместо образа сравнения упоминается имя, местоимение, наречие.

Итак, в рассматриваемом языке обнаруживается несколько способов выражения сравнений: лексический, морфологический и синтаксический. В данной статье мы рассмотрим один из них – морфологический.

К морфологическим средствам выражения сравнений относятся прежде всего две падежные формы – компаратив (сравнительный падеж) и транслатив (превратительный падеж). Формальным признаком компаратива является суффикс **-шка**, транслатива – **-кс**.

Конструкции, выраженные компаративом, указывают на сравнение по каким-либо характеристикам: по размеру, длине, высоте и т. д.: *Мейс сестэ чачомс мода лангс, зярдэ лезэсь пельдеть – чиньжарамо **товшка**?* [3] – «Зачем же тогда родиться на свет, если пользы от тебя как от семечка подсолнуха?»; *Пандошка эйтне, виев уицякс, капиасть веденть ланга* [3]. – «Льды, размером с гор, словно сильные пловцы, спешили по воде»; *Ды мезть сёпомс, Сёма сонськак мазый – калаця чама, кирьксэкс менчевця черензэ лавтовга нурьгить, сэнь сельмензэ **блидяшкат*** [3]. – «Да что уж скрывать, Сёма и сам красивый – круглолицый, волосы кольцами вьются по плечам, глаза как блюдца»; *Аламнешка копордак, – пелезь мерсь Еремей ды пумызе **кечешка** пенчензэ* [3]. – «Выпей немножко, – боязливо сказал Еремей и положил ложку, размером с ковш».

Существительное в компаративе может иметь при себе определение: *Сэрятне **паро умарышкат**, ды эйсэст кияк эзь пурна* [3]. – «Желуди словно хорошие яблоки, но никто их не собирал»; *Седямкась элес кельги, **вишка пивтембарышка**, ды вайгелезэ пек уш гайтев – веленть пев кайсеви* [3]. – «Инструмент в охапку уместается, с маленькую пахталку, но уж голос у нее очень звонкий – до края села доносится».

Сравнения, выраженные формами этого падежа, в предложении чаще всего выступают в роли определения или сказуемого (как в наших примерах).

Сравнительные конструкции, образованные формой транслатива, в достаточной мере распространены в языке: *Велень бачкаськак, Иоанн, кирмалавокс педясь* [3]. – «И сельский батюшка, Иоанн, словно репей прилип»; *Весе псисэнзэ чись эждясь тиринь авань кедекс* [3]. – «Всем теплом солнце согревало, словно руками родной матери»; *Наряжась (Уля Козлова), пилексэнзэ цитнесть чинь валдокс* [3]. – «Нарядилась (Уля Козлова), сережки блестели солнечным светом»; *Истянь зняро морот сон (Москунь Луша) соды – эйсэст чиньжарамокс чулгони* [3]. – «Столько песен знает она (Москунь Луша), словно семечки их щелкает»; *Ёндолось таго кивчкадсь, ды верде кснавокс чавозевсть пиземе байгеть* [3]. – «Опять сверкнула молния, и сверху, словно горох, посыпались капли дождя»; *Валске ланга ловось сэняжды верьгиз пилексэкс* [3]. – «По утрам снег синее волчьей ягодой».

Сравнения в транслативе указывают на характеристику предмета в сравнении с характеристикой другого предмета или явления. В предложении они могут выполнять функцию обстоятельства, сказуемого, определения.

Из примеров видно, что конструкции с этим падежом показывают только образное сравнение, образования же со сравнительным падежом – и образное, и предметно-логическое.

В транслативе сравнения показывают характеристику предмета, противопоставляя с характеристикой другого предмета или явления. Функция компаратива – показать в своей сути сравнительные отношения.

К морфологическим средствам выражения сравнений относятся и степени сравнения прилагательных, наречий. Известно, что эти значения в эрзянском языке могут выражаться аналитически. Так, сравнительная степень выражается при помощи слова «седе» – «более», к которому может присоединяться усилительная частица **-як**: *Мазый тейтерезэ ды ёлганя, ков уш седе парт одирьват!* [3]. – «Красивая у него дочь и стройная, куда уж лучше невесту (букв. невесты (мн. ч.)!»); – *Седе беряньстэ уш а ков эрямс, аля!* [3]. – «Хуже уж больше некуда жить, молодой человек»; *Лангозонзо (леенть) крута чиретнестэ пиче виресь вансь, вансь ды адя седеяк пшти салмукссо варманть нерькстнеме* [3]. – «На нее (реку) с крутых берегов сосновый лес смотрел, смотрел и давай более острыми иголками ветер покалывать».

В примерах мы видим большую или меньшую степень проявления признака предмета или действия, что свойственно для данной категории. Хотя, на наш взгляд, смысл сравнения кроется, прежде всего, в сопоставлении двух предметов, явлений – только тогда очевидны сравнительные отношения. В этом случае нужно назвать еще один падеж, выражающий значение сравнения и образующий сравнительную степень прилагательного – это аблатив с

вариантами суффиксов **-до/-де/-дэ/-то/-те/-тэ**. Однако этот вопрос является спорным: относить ли данную форму к морфологическим показателям сравнения или же это синтаксический уровень, так как значение сравнения передается здесь уже в рамках словосочетания: *Валскестэнтъ, виде, менелесь эйденъ сельмеде ваньксэль – а пельть, а сувт-увтт...* [3]. – «В то утро, и вправду, небо было чище детских глаз – ни облаков, ни туманов».

В эрзянском языке встречаются также конструкции, где сравнение выражено формой номинатива (именительного падежа): *Прязо (Якимень) сувтемешка, суронзо теке кузнянь клещат, парго чамазо якстере* [3]. – «Голова у него (Якима) как сито, пальцы как кузнечные клещи, как лукошко лицо красное». Существительное в номинативе может распространяться, чаще всего словами с определительной семантикой: *Модакирьксэнтъ томбальде невтизе ожо сувтеме прязо лисиця чись* [3]. – «Из-за горизонта солнце показало желтое как сито голову».

Таким образом, были рассмотрены основные морфологические средства выражения сравнений в эрзянском языке, к которым относятся, прежде всего, формы компаратива и транслатива. Менее распространенными являются сравнительные конструкции с формой номинатива. Некоторые языковые единицы находятся на периферии, поэтому вопрос об их разграничении на те или другие средства выражения сравнений является спорным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина Ю. М. Способы выражения сравнений в языках с разной грамматической структурой. – Омск: Алфавит, 2008. – 191 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
3. Доронин А. М. Кузьма Алексеев: Роман. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 2001. – 400 с.
4. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2004. – 651 с.
5. Тихонова Т. М. Способы выражения степеней сравнения в мордовских языках. – Сыктывкар: Наука, 1979. – 42 с.

ГОЛЯКОВ А. Н.

**ОТРАЖЕНИЕ САМОБЫТНОСТИ ЭРЗЯНСКОЙ ОДЕЖДЫ
В РОМАНЕ К. АБРАМОВА «СТЕПАН ЭРЗЯ»**

Аннотация. В статье предпринята попытка осмысления творческих исканий К. Г. Абрамова в романе «Степан Эрзя». Автор акцентирует внимание на воссоздание писателем в произведении «фона времени» и «фона пространства», являющихся объективными ориентирами для отображения национального своеобразия, в частности, специфичности эрзянской одежды женских персонажей.

Ключевые слова: атмосфера, героиня, головной убор, женский костюм, персонаж, своеобразие, творчество.

GOLYAKOV A. N.

**REPRESENTING THE SPECIFICS OF ERZIAN CLOTHES
IN THE NOVEL "STEPAN ERZYA" BY K. ABRAMOV**

Abstract. The article attempts at interpreting the creative explorations of K. G. Abramov in his novel "Stepan Erzya". The author focuses on the writer's construction of time background and space background in the novel. These are the reference points used for national identity representation, in particular, the specifics of Erzya female characters' clothes.

Keywords: atmosphere, heroine, head-dress, female costume, character, originality, creative work.

В ноябре 2016 года все мировое сообщество отмечает юбилейную дату – 140-летие со дня рождения великого скульптора Степана Дмитриевича Нефедова – Эрзи. Имя гениального скульптора, прежде всего, увековечили его работы. Известный мордовский писатель К. Г. Абрамов в своем произведении – биографическом романе-трилогии «Степан Эрзя» – реалистически отобразил жизненный путь и творчество эрзянского самородка. В произведении о Мастере писатель выписывает все грани бытия главного героя – художника; объективно вырисовывает искания, творческие удачи и неудачи, обстоятельства и коллизии жизненного пути. Причем, своеобразие романиста в том, что все происходящее в жизни Степана Нефедова К. Абрамов пропускает сквозь призму собственного восприятия действительности: автор безгранично предан своему герою, любит его, восхищается действиями и поступками. Произведение пронизано ощущением причастности Степана к родному краю, его любовью к эрзянской культуре.

Важнейшей спецификой произведения Кузьмы Абрамова «Степан Эрзя» можно по праву считать отражение национального бытового колорита эрзян, феномен осмысления

которого является ключом к еще большему пониманию творчества Эрзи. Художественный реализм повествования достигается К. Абрамовым за счет обращения писателя к следующей этнической константе – эрзянской одежде, чему мастер слова также придает огромное значение.

Прежде, чем исследовать авторское видение национальной одежды в историко-биографическом романе, необходимо сделать небольшой исторический экскурс в этимологию одежды мордовских женщин. Так, исследователями-этнографами доказано, что традиционный мордовский костюм, в особенности, женский, сохранял свои особенности до 20-30-х годов XX века. А у некоторых групп мордвы он и сегодня функционирует во время обрядов и праздников. Комплекс одежды включал нательную и верхнюю легкую одежду, набор теплой межсезонной и зимней одежды, составной частью в костюм входили различные съемные детали и украшения.

Традиционная мордовская одежда развивалась по двум направлениям, соответствующим культуре мокши и эрзи. Но при всем своеобразии одежды отдельных групп мордвы, она имеет много общих черт: белый льняной или посконный (изготовленный из конопли) холст как основной материал одежды, туникообразный (прямой) покрой рубахи и верхней белой распашной одежды, отделка одежды плотной вышивкой преимущественно из шерсти красного и черного или темно-синего цветов, своеобразные украшения из металла, монет, бисера и раковин, плетеная из лыка обувь, ременные оборы, сапоги со сборами, а также обычай обертывать ноги онучами, чтобы они были ровными и толстыми.

Национальный женский костюм мордвы очень самобытен и красочен. Будучи в основе своей единым, он подразделяется, прежде всего, на эрзянский и мокшанский подтипы, которые, в свою очередь, включают не менее полутора десятка разновидностей. Расцветка мордовской вышивки включает черный цвет с синим оттенком и темно-красный как основные тона, желтый и зеленый для расцвечивания узора. Женскую рубашку носили с поясом или специальным сложным набедренным украшением (пулай, пулагай, пулакш). Первый раз девушки надевали его в день совершеннолетия, после чего он считался обязательным элементом женского костюма вплоть до глубокой старости. Особенно богато украшался раковинами каури, цепочками, медными пуговицами, бляшками из разноцветного бисера праздничный пулай. Встречающийся только у эрзи, пулай, видимо, являлся реликтом какой-то чрезвычайно архаичной формы женской поясной одежды, превратившейся позднее в украшение.

Декоративным центром нагрудных украшений является застёжка, которая закалывает ворот рубахи (сюлгам, сюлгамо). Грудь украшается также бусами, гайтаном из серебряных монет и бисера, а также сложным нагрудником кргань-пирьф (у мокши). К бисерному

нагруднику прикрепляется сетка из мелких разноцветных бусин, шерстяных кисточек и монет, более крупные из которых располагаются ближе к шее, а мелкие – на периферийной части украшения.

Украшениями служили серьги, браслеты, перстни, кольца, которые изготавливались из меди и ее сплавов, реже – из золота и его сплавов, из сплава золота с серебром. Кроме того, для эрзянок типичны были высокие головные уборы на твердой основе с длинной, спускавшейся на спину лопастью из холста, вышитой и украшенной блестками, а для мокшанок – двурогие головные уборы, тюрбанообразные повязки. На уши женщины надевали серьги с подвеской – серебряной монетой, бусинкой или в виде шариков из гусяного пуха.

Кожаные сапожки мордовок имели острые носы, верх их обшивался красным сафьяном. Повседневной обувью служили, как правило, лыковые лапти. Мокшанки носят и теперь полосатые наколенники с геометрическим орнаментом, вязанные из шерсти.

Традиционный костюм сохранился в настоящее время в разной степени у мокши и эрзи. Но, если мокшанки еще довольно часто надевают его, то эрзянки наряжаются в него гораздо реже, лишь по тем или иным праздникам, либо на концерты художественной самодеятельности. Свахи надевают его на свадьбу, а некоторые пожилые женщины берегут в качестве помертвой одежды. Кстати, элементы мордовского народного костюма продолжают сохраняться и развиваться в творчестве мордовских модельеров в Институте национальной культуры МГУ им. Н. П. Огарёва.

Писателю особенно приятна тема национального убранства одежды. С большой любовью и нежностью он описывает женские персонажи. К. Абрамов боготворит эрзянскую женщину – женщину-мать, женщину-сестру, женщину-жену, женщину-первую любовь. Очарование, нежность, сострадание, жалость, любовь – все это сопряжено у автора с отображением женщины. Манеру письма романиста в данном контексте можно сравнить с дифирамбами эрзянке.

Марья Нефедова – одна из центральных героинь – в произведении является обобщающим образом. К. Абрамов вложил в нее все лучшее, что присуще мордовской женщине. Автор вводит Марию в такие социальные перипетии, неординарные ситуации, в которых выкристаллизывает ее душевные и физические характеристики: красоту, степенность, ум, рассудительность, женственность, трудолюбие, храбрость. Причем, на протяжении всей трилогии читатель «не видит» лица женщины, но «видит» четко ее образ через одежду, поступки и действия. Мастерство романиста заключается в том, что образ раскрывается не непосредственно, но опосредованно, через обстоятельства, случаи, коллизии, голос, одежду, язык, труд. И, конечно же, рисуя образ героини, автор прежде всего

акцентирует внимание на самобытности национального одеяния. Писатель как бы любит косами, берестяными заколками, пулями, кокошниками, применяя гоголевскую манеру повествования – скрупулезность. К примеру: «Голос у Марьи чистый, грудной. Ее темные длинные косы пропущены через берестяную коробочку, прилаженную на голове, и собраны сзади не шее. Поверх этого замысловатого убора, образуя своеобразный кокошник. Подвязан платок из тонкого льняного холста, вышиты разноцветными нитками и отороченный светлым мелким бисером» ...» [1, с. 13-14].

В романе «Степан Эрзя» практически нет вымышленных персонажей. Да, это и объяснимо, поскольку произведение носит историко-биографическую направленность. Казалось бы, художественный роман без вымысла, без авторской фантазии – блеклое, нечитабельное, скучное произведение. Но роман-трилогия наполнен такими красками национального колорита, автор так мастерски воссоздает реальную атмосферу с помощью документальных приемов и методов отображения (исторические экскурсы, познания этнографии, истории родного края, личные наблюдения, опросы и пр.), что перед читателем встает яркая, прекрасная действительность, интересная своей самобытной атмосферой. Писатель с воодушевлением акцентирует внимание на одежде своих персонажей, что становится ясно – женская одежда описательно доминирует над мужской. Характерно, что отражая самобытность женских образов, автор акцентирует свое внимание не на физиологических особенностях персонажа – цвет глаз, цвет кожи, брови, ресницы, грудь, ноги, руки, как это обычно делают другие романисты, – художественной реалистичности автор добивается натуралистически, за счет добавочных средств, «оттеночных» характеристик героев: одежда, обувь, головные уборы, лапти, портянки и пр.

Кузьма Абрамов (впрочем, как и С. Эрзя) очень любит своих героинь, которые все являются позитивными персонажами. С любовью характеризует он облик Марьи, матери С. Нефедова: «...Рубашка у Марьи длинная, белая и тоже с вышивкой на груди, рукавах и по подолу. Холщевые портянки наверху до колен и заправлены тонкими оборками аккуратных лаптей из желтого лыка. Она нарядилась так в поле, на жатву...» [1, с. 10]. Автор подчеркивает ее собранность, аккуратность, скромность. Одежда всегда в контенте романа сопряжена с традициями гостеприимства: Гости встречали почетно: женщина обязательно должна встречать каждого, кто зашел в избу с пулаем – элемент одежды, который женщины носили на поясице. Кроме того, без пулая мордовские женщины не должны показываться на улице при посторонних. Женщины даже в поле работали в пулаях, чтобы никто их не осудил. Так, Марья, когда жала ряды в снопы в поле ... «Поясица под пулаем и вся спина у нее взмокли, рубаха прилипла к телу... Все тело разломила, тянет этот пулай к земле, силушки моей нет...» [1, с. 13-14]. Перед читателем предстает работающая, интересная, умная,

несколько суровая женщина-эрзянка. Ее костюм свидетельствует о том, что родом она из самой гущи эрзянского рода; она свято чтит культуру, традиции, потомственные действия своей нации.

Проблема национального колорита одежды эрзян тесно сопряжена в романе с вопросами деятельности народного ткачества. Художник слова не единожды трактует одеяние как один из элементов народного творчества. Следующий фрагмент свидетельствует о том, что художник слова не только прекрасно разбирается в особенностях национальной одежды, но этимологию мордовских костюмов, замечательно ориентируется в технологиях их изготовления: «...Пришла Ольга Савкина, крестная Степана. ... принесла с собой холст и разноцветные нитки, ... сняла овчинную шубу со сборками на поясице. Рубаха на ней, как и на Фиме, длинная, из синей домотканой материи, пояс из черных шерстяных нитей с бисером и кистями. Девочки все до зрелого возраста носят такие рубахи. В белое они одеваются, когда наступит время выходить замуж, тогда же начинают носить пулаи. Вышивать их учат с малых лет. До выхода замуж они вышивают для себя, потом – для своих детей. Эрзянская женщина вышивает всю жизнь. Вся ее одежда – рубахи, руци, передник и головные платки – обязательно вышиты. Кроме того, требуется вышивать и мужнины рубахи, полотенца, скатерти. Заботливая мать и на ребенка не наденет невышитую рубаху» [1, с. 51].

К. Абрамов прекрасно разбирается в женской национальной одежде, он описывает как одежду молодых девушек, также будничную одежду женщин солидного возраста. Читатель «видит» одеяния женщин в праздники, на Пасху: «...На молодых женщинах поверх вышитых рубах надеты красные шелковые или сатиновые, смотря по достатку, рукава. Пулаи их звенят серебряными монетами и бляшками, передники сверкают всеми цветами радуги. На кокошниках у многих подвязаны платки фабричного производства – красные, зеленые или желтые. Эрзянки любят яркие цвета. Девушки не носят кокошников, они сплетают волосы в одну косу, свисающую вдоль спины. В косу вплетают разноцветные шелковые или сатиновые ленты. У многих девушек поверх платков на головах надеты венки из бумажных цветов» [1, с. 112]. Опытным глазом прозаик проникает во все тайные уголки женского внешнего вида. Автор описывает мать Марьи, одетую по случаю Пасхи: «Мать одета по-праздничному – поверх белой вышитой рубахи синие рукава. Большой пулай ее сверкал бисером и звенел монистами» [1, с. 119]. Или, интересно романист показывает ассимилированную мордовскую одежду. Когда по прошествии времени семья Нефедовых переехала в Алатырь, к старшему брату Степана, Степан увидел маму и не узнал ее после долгой разлуки: «...мать, точно обезумев от счастья, бросилась ему на грудь. ...На ней не было ни пулая, ни кокошника, с которыми она не расставалась в Баевке, волосы на голове у

нее убраны по-русски, длинный темный сарафан...» [1, с. 495]. Динамика повествования открывает нам не только хронологический обзор повествования, но и процессы исторической ассимиляции этнической одежды русскими элементами. Национальный колорит романа-трилогии имеет бесчисленное множество этнокультурных оттенков, на которых заостряет свое внимание автор.

Таким образом, в историко-биографическом романе-трилогии Кузьмы Григорьевича Абрамова отражается не только «народный дух эпохи», политические и общественные коллизии, но автор не может в произведении обойтись, прежде всего, без создания этнокультурного облика нации на определенном хронологическом отрезке времени; в данном случае национальный облик эрзянского народа связан с одеждой абрамовских персонажей. Национальное своеобразие, мироощущение людей, эстетические и нравственно-этические нормы, заложенные традициями, культурой, мифопоэтикой, религиозными верованиями, проецирующимися на восприятие сквозь призму категории «народ», являются, в свою очередь, для писателя основой концепции мира и человека в данном романе – ярком свидетельстве национальной литературы.

Так, в статье «Несколько слов о Пушкине» Н. В. Гоголь, говоря о национальной специфике, формулирует: «...истинная народность состоит ... в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него *глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами*» (выделено автором) [3, с. 261]. Как можно заметить, речь идет об особом художественном видении мастеров пера. «Дух народа» определяет точку зрения автора литературного произведения, однако сам *вектор* видения может быть *тем или другим*; глубинный «образ мыслей и чувствований» не поддается внешней унификации и, очевидно, не может быть описан без остатка, как не может быть вполне рационализирован и, так сказать, каталогизирован сам «дух народа».

Как бы вторя великому писателю, Н. А. Бердяев, рассуждая о данной проблеме, утверждает, что культура, как и литература, не может быть «отвлеченно-человеческой», она «всегда... национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности» [2, с. 88]. Кроме того, ученый подчеркивает, что социальные, политические, экономические катаклизмы ускоряют трансформационные процессы. Интересно то, что, что философ подчеркивает важность географического фактора. Историческая родина, которая характеризуется географической экологией, отличает «нас» от «не нас» в географическом отношении. Н. Бердяев обращает внимание на природу, ландшафт, в которых формируется этничность, социальные характеристики национального

сознания. «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью ... земли и ... души, между географией физической и географией душевной. В душе ... народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность бесконечность...» [2, с. 281-282]. Подтверждение данной детерминанте мы отчетливо видим в произведении К. Абрамова «Степан Эрьзя».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3: Степан Эрьзя: Биограф. Роман. Кн. 1 и 2 / пер. с морд.-эрзя Г. Максимова и Ю. Галкина. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. – 528 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / О России и русской философской культуре. – М.: Наука, 1990. – С. 43-320.
3. Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. – М., 1994. – Т. 7. – 261 с.

БАБИКОВА Е. А., КАЗАЕВА Н. В.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА,
ОБОЗНАЧАЮЩИХ НАЗВАНИЯ БЛЮД И НАПИТКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЕЙ)**

Аннотация. В статье на материале словарей рассматриваются реалии, обозначающие названия еды и напитков в венгерском языке.

Ключевые слова: культура, язык, лексема, лингвокультурология, венгерский язык, лингвокультурологический анализ, реалия.

BABIKOVA E. A., KAZAEVA N. V.

**LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF HUNGARIAN LEXICAL UNITS
DENOTING FOODS AND DRINKS: A STUDY OF DICTIONARIES**

Abstract. The article presents a study of Hungarian dictionaries. The study is aimed at analyzing some culture-specific concepts denoting foods and drinks in the Hungarian language.

Keywords: culture, language, lexical unit, cultural linguistics, Hungarian language, linguocultural analysis, culture-specific concept.

Язык – уникальное многогранное явление, возникшее в человеческом обществе как результат когнитивной деятельности каждого индивида и всего народа в целом. Человек, как субъект социокультурной жизни, не может существовать вне общества и вне человеческой культуры. Исходя из этого, можно сделать вывод, что каждый носитель языка является в то же время и носителем культуры, а язык представляет собой культурный код нации. Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее [3, с. 9].

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры. Из всех лингвистических дисциплин именно лингвокультурология, которая возникла на стыке лингвистики и культурологии, сосредотачивает свое особое внимание на исследовании исторических и современных фактов через призму духовной культуры. Поэтому можно с уверенностью сказать о том, что на протяжении всей истории развития языкознания лингвокультурология занимает в нем далеко не последнее место.

Лингвокультурологический аспект подразумевает исследование таких языковых единиц, которые имеют национально-культурное своеобразие и являются хранителями специфических черт этнической ментальности.

Предметом данного исследования являются лексические единицы венгерского языка, обозначающие названия еды и напитков, а также выявление лингвокультурологических особенностей данных лексем.

Материал для исследования отобран методом сплошной выборки из небольшого культурологического словаря И. Барта «Русским о венграх» [1], который включает в себя около 900 культурно-исторических реалий венгерского языка, а также из венгерско-русского [4] и электронного русско-венгерского/венгерско-русского онлайн-словарей [5].

Качественный и количественный состав лексики, отвечающей за обозначение еды и напитков, отличается в разных языках. Это связано, во-первых, с особенностями и разнообразием национальной кухни разных стран, во-вторых, с уровнем материального и духовного развития речевого коллектива. Наименования блюд формируются в условиях специфики мировоззрения и культуры определенной группы людей.

История венгров, которая, насколько ее можно проследить, охватывает по меньшей мере три тысячелетия – тысячелетия, полные лишений, скитаний, войн, переселений, завоеваний, порабощений, тысячелетия, полные трансформаций, которые привели от примитивной кочевой жизни к зачаткам земледелия и животноводства и в конечном счете к оседлости.

Сегодня нельзя точно определить, какую пищу варили кочевые племена в своем походном котле под названием «бограч». Известно лишь то, что это были блюда наподобие супов, которые венгры варили из имевшихся припасов, например, сушеной рыбы или вяленого мяса, а также собранных трав, корней и грибов. Скорее всего, они готовили в своих котлах рагу или иную острую еду из одного блюда, в зависимости от того, что было у них под рукой. После появления в XVIII в. в венгерской кухне новой приправы – паприки, – для различения многообразных блюд из котла, потребовалось дать им новые названия, а также сформировать новые правила готовки и распределить блюда по группам.

Современная венгерская кухня отличается большим разнообразием национальных блюд, известных далеко за пределами страны и имеющих свои особенности.

Рассмотрим некоторые номинативные единицы венгерского языка, обозначающие названия национальных венгерских блюд и напитков:

bableves – густой фасолевый суп, излюбленное блюдо венгров, которое можно найти в меню любого венгерского ресторана;

bejgli (от нем. *Bejgli*) – маковые и ореховые слоеные рулеты; бейгли – неотъемлемый атрибут Пасхи и Рождества;

bukta – сдобная булочка с начинкой (джем, мак, творог); некогда она являлась основным продуктом питания в школьных и университетских столовых;

császármarza (досл. ‘королевские крошки’) – род рассыпчатой запеканки под сладким соусом;

csipetke (от венг. *csipet* ‘щепотка, крошка, капля’) – венгерский вариант клёцек, подаваемый с топлёным свиным салом, обычно подаются с гуляшом;

dobostorta – традиционный венгерский торт, состоящий из шести слоев бисквита с шоколадным кремом и карамельной глазурью. «Добош» был любимым тортом императрицы Австро-Венгрии Елизаветы, супруги Франца Иосифа. Торт назван по имени своего автора, венгерского кондитера Йозефа Добоша. В 1885 году для Венгерской национальной выставки он придумал свой шедевр – торт, который не портится как минимум 10 дней. При современном ему уровне развития холодильной техники это было очень важно. Свой рецепт Добош опубликовал в 1906 году, и в современной Венгрии торт Добош готовят в соответствии с оригинальным рецептом [2];

egri bikavér (досл. ‘эгерская бычья кровь’) – самое известное красное вино Венгрии. По легенде, название этого вина связано с военной победой в истории Венгрии, когда турки, осаждавшие крепость Эгер, бежали, испугавшись пятен от вина на одежде и лице венгерских солдат, решив, что те пили бычью кровь, чтобы обрести силу. Почвы региона Эгер как нельзя лучше подходят для производства этого вина;

esterházy rostélyos – это жаркое из говядины (ростбиф) по рецепту князя Эстерхази с майонезно-горчичным соусом. Названо в честь венгерского дипломата Пала Антала Эстерхази, служившего министром иностранных дел Венгрии во время революции 1848-1849 годов;

esterházy torta – миндально-шоколадный торт, популярный в Венгрии, Австрии и Германии. Назван в честь венгерского дипломата Пала Антала Эстерхази, служившего министром иностранных дел Венгрии во время революции 1848-1849 годов;

főzelék (от венг. *főz* ‘варить, готовить’) – блюдо из тушеных овощей с мучной заправкой, овощное рагу из шпината, кабачков, капусты, картофеля, фасоли, чечевицы и кольраби;

fröccs – шипучий освежающий напиток (вино, разбавленное газированной водой), употребляемый для утоления жажды в летний зной. Название образовалось от звукоподражательного слова, напоминающего шипение содовой воды, наливаемой в стакан;

gombóc – кнедлики, галушки. Традиционное национальное блюдо, под собой скрывающее шарики из теста или так называемые галушки, которые могут быть как постными, так и с добавлением мяса или даже фруктовой начинкой. В зависимости от рецепта, в ресторанах кнедлики могут подаваться и как гарнир к мясным блюдам, и как самостоятельное кушанье, и даже как сладкое лакомство;

gulyás – гуляш, национальное блюдо в виде густой мясной похлебки, традиционная еда пастухов. Сам по себе гуляш, представляет нечто среднее между мясным рагу и густым супом, поэтому его можно употреблять и как первое, и как второе. Изобрели блюдо венгерские пастухи, в переводе с венгерского *gulyás* означает ‘пастух’;

gundel palacsinta – блинчики по-гунделевски, названные так в честь знаменитого будапештского гастронома Кароя Гунделя. Фаршированные орехами блинчики по-гунделевски подают в знаменитом будапештском ресторане «Гундель»;

halászlé – национальное блюдо, уха с красным перцем, готовящаяся на открытом огне в чугунном котелке. Название происходит от венг. *halász* ‘рыбак’ и *lé* ‘жидкость’, ‘суп’;

kadarka – легкое виноградное вино, широко применяемое для изготовления фрёча;

körözött – творог из овечьего молока, приправленный пряностями;

krumplitészta – мучное блюдо из теста с картошкой; считается «едой для бедняков», неизменно фигурировало в меню рабочих и казарменных столовых;

kiütőskalács – традиционная венгерская выпечка цилиндрической формы родом из Трансильвании, выпекаемая обычно над открытым огнем. Это неотъемлемый элемент венгерских праздников и массовых мероприятий, например, рождественского базара;

lángos (досл. ‘пламенный’) – лепешка, обжаренная в кипящем масле, излюбленная еда быстрого приготовления на венгерских ярмарках и базарах;

lecsó – блюдо из лука, помидоров, паприки и слабо-копченой свиной колбасы, считается национальным венгерским блюдом; в Венгрии подается как отдельное блюдо (которое едят с хлебом) или в качестве гарнира к жаркому из мяса (в таком случае готовится без колбасы);

mákoslé – лапша с маком и сахаром; такая лапша подается, как правило, после какого-то одного сытного блюда (например, после фасолевого супа) в качестве второго или десерта;

paprikás – паприкаш, тушеное мясо, приправленное красным перцем. Паприкаш бывает рыбный, куриный, из телятины или ягненка. Но ни один венгерский шеф-повар никогда не приготовит паприкаш из говядины, свинины, баранины или же гусятины, утки или дичи. «Ни жирного, ни черного мяса», – таково главное требование при приготовлении хорошего паприкаша. Главными приправами к нему служат обычно свиной жир, лук, молотый перец, иногда стручки паприки и помидоры;

pálinka – палинка, крепкий спиртной напиток, готовящийся из самых разных фруктов;

pérec – большая сушка в форме кренделя, обычно посыпанная солью;

pogácsa – излюбленный вид домашней венгерской выпечки, соленые или сладкие коржики, обычно подают после еды или к сытным супам, например, к гуляшу, вместо хлеба;

pörkölt (досл. ‘поджаренный’, ‘жареный’) – пёркёльт, самое простое мясное блюдо венгерской кухни, это кусочки мяса, тушенные в соусе с красным перцем и луком;

rétes – венгерский слоеный пирог, штрудель, который делают из отборной венгерской муки с высоким содержанием клейковины, благодаря которой тесто становится очень эластичным, и его можно растянуть до состояния папиросной бумаги. Это тончайшее тесто сворачивают в рулет, а в качестве начинок добавляют творог с изюмом, яблочное повидло с корицей, грецкие орехи с сахаром и лимоном или мак, отваренный в сладком молоке. Режут готовый ретэш наискосок и посыпают сахарной пудрой;

rigó jancsi (досл. ‘Янчи дрозд’) – шоколадный бисквит, квадратное пирожное, наполненное воздушным шоколадным муссом и покрытое шоколадом. Названием оно обязано славившемуся своей красотой и скрипичным искусством цыгану-примашу (скрипачу), хотя связывает их разве что шоколадный цвет;

szilvásgombóc – картофельные шарики со сливой или абрикосом;

tarhonya – специфически венгерская еда из пресного теста в виде мелких шариков, унаследованная от предков-кочевников. Это круто замешанное яичное тесто, перетираемое в руках до тех пор, пока оно не распадется на мелкие катышки наподобие крупы. Крупинки затем сушат на солнце или прокаливают на сковороде, едят тархоню как отдельное блюдо или в качестве гарнира к пёркёльту;

tokaji borok – токайские вина (от венг. *Tokaj* – горный массив в Венгрии и Словакии); белые десертные вина золотистого цвета, приготовленные из плодов светлых сортов винограда, подвяленных в естественных условиях – на ветвях под солнечными лучами. Обладают привкусом изюма и специфическим букетом с медовым тоном;

tokány – национальное блюдо, состоящее из кусочков тушеного мяса, приправленного черным перцем и сметаной. Отличается от пёркёльта только тем, что мясо для него нарезают тонкими полосками, а лук и паприку кладут в меньших количествах, при этом добавляя для вкуса сметану, грибы, зеленый горошек и зелень;

túrós csusza – одно из самых распространенных сладких блюд, обычно подающееся как второе блюдо после рыбного супа, представляет из себя вермишель со сметаной или творогом со шкварками. Название происходит от венг. *csusza* ‘скользящая’, т. к. она будто ‘проскальзывает в желудок’;

unicum – горьковато-сладкий густой напиток, настоянный на пряностях и лечебных травах. Считается одним из национальных напитков Венгрии. Это лечебный напиток из 40 трав, выдержанный в дубовых бочках. Рецепт «Уникума» династия Цвак, вот уже в течение 200 лет производящая данный напиток, держит в секрете;

zsemle (*zsömle*) – круглая булочка небольшого размера; тесто изготовлено по тому же рецепту, как и у рогаликов (*kifli*);

zserbó – торт получил свое название от создателя Эмиля Жербо. Посвятил его кулинар юбилею кафе Куглера, находящемуся в Будапеште и существующему с 1858 г. и по сей день. В торте был использован первосортный шоколад, вяленые абрикосы и абрикосовая палинка.

В результате проведенного нами исследования было выявлено и проанализировано 37 лексических единиц венгерского языка, обозначающих названия еды и напитков. Данная группа лексики представляет большой интерес для изучающих венгерский язык, т. к. наиболее наглядно иллюстрирует специфические факты венгерской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт И. Русским о венграх: культурологический словарь / пер. с венг. Т. Воронкиной. – М.: Радуга, 2005. – 224 с.
2. Добош (торт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=78866475>.
3. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
4. Gáldi L., Uzonyi P. Magyar-orosz szótár. – Венгерско-русский словарь.– Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000. – 948 old.
5. Orosz Szótár: электрон. русско-венгерский / венгерско-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orosz-szotar.hu/>.

СТЕПАНОВ А. Л., ЕФРЕМОВ Д. А.

О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ

ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. При переводе с одного языка на другой происходят различного рода изменения – лексические, грамматические и другого вида трансформации, – которые способствуют созданию текста на переводящем языке, эквивалентного оригиналу. При переводе венгерской художественной литературы на удмуртский язык используются лексические (транскрипция, транслитерация, калькирование) и лексико-семантические (конкретизация, генерализация, модуляция, антонимический перевод, экспликация и перевод культурных реалий исходного языка) трансформации.

Ключевые слова: венгерский язык, удмуртский язык, художественный перевод, переводческие трансформации, лексические трансформации, лексико-семантические трансформации.

STEPANOV A. L., EFREMOV D. A.

ON LEXICAL AND SEMANTIC TRANSFORMATIONS IN TRANSLATIONS

FROM HUNGARIAN TO UDMURT LANGUAGE

Abstract. When translating from one language to another, a number of changes (lexical, grammatical and other kinds of transformations) take place. These transformations help to create a text on the target language equivalent to the original. When translating Hungarian fiction texts to the Udmurt language, lexical (transcription, transliteration, loan translation) and lexical-semantic (concretization, generalization, modulation, antonymic translation, explication and cultural realities translation of the source language) transformations are generally used.

Keywords: Hungarian language, Udmurt language, literary translation, translation transformations, lexical transformations, lexical-semantic transformations.

С незапамятных времен представители разных наций сходились друг с другом, общались по разным поводам; для этого им были необходимы полиглоты, люди, владеющие многими языками. Секреты переводчиков всегда интересовали людей, как, каким образом им удастся объединять совершенно разных людей, говорящих совершенно на разных языках, передавать от одних другим информацию, желания, мысли. Но за научное исследование переводов ученые взялись только в прошлом веке.

Реальная переводческая деятельность осуществляется переводчиками в различных условиях; переводимые тексты весьма разнообразны по тематике, языку, жанровой принадлежности; переводы выполняются в письменной или устной форме, к переводчикам

предъявляются неодинаковые требования в отношении точности и полноты перевода и т. д. [3, с. 94]. Все это обуславливает существование разных видов перевода, каждый из которых, оставаясь переводом в своей общелингвистической основе, может иметь существенные особенности, что, в свою очередь, вызывает необходимость научной классификации видов переводческой деятельности. При этом главной целью перевода является достижение адекватности. Основная задача переводчика в этом процессе – умело произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм языка перевода.

Для возможности перевода с одного языка на другой должно быть два текста, исходный текст (оригинал) и переведенный текст (перевод); при этом выделяются также следующие термины: ИЯ – исходный язык (любой естественный язык, знаками которого закодировали исходный текст); ПЯ – переводящий язык (любой естественный язык, знаками которого закодирован переведенный текст, перевод).

При переводе с языка оригинала применяются языковые трансформации – «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [1, с. 6]. Эти языковые изменения в целом имеют универсальный характер, тем не менее, от языка к языку существенно отличаются, поскольку каждый язык своеобразен, и его отличия на всех языковых уровнях приносят свой вклад в происходящие трансформации.

Объектом нашего исследования послужили переводы на удмуртский язык венгерской художественной литературы ряда авторов разных периодов; мы проанализировали прозаические произведения одного из первых сборников венгерской переводной литературы на удмуртский язык «Дунай тулкымъёс – Кам ярдурын» («Дунайские волны на берегах Камы». Хрестоматия венгерской литературы) (1997) и одного из последних – «Мадьяр литератураысь 12 тужгес но чебер верос» («12 лучших рассказов венгерской литературы») (2015). Из первого сборника рассмотрели сказку «Пöртмаськись пужей» («Волшебный олень») (перевел Ю. Перевошиков) и рассказ Ш. Петöфи «Сари но Тöри» («Буланая и Гнедой») (перевел Н. Танаев); из второго – новеллы И. Тöмöркеня «Солдатэн ожмаськон» («Битва с солдатом»), И. Öркеня «Пöзиялэн кужмыз сярысь баллада» («Баллада о силе поэзии») (оба перевода выполнены А. Егоровым).

Зарождение удмуртской переводной литературы связано непосредственным образом с формированием литературного языка и возникновением удмуртской литературы в целом; по мнению В. Г. Пантелеевой [6, с. 136-138], этот процесс зародился в начале XIX века. Переводы

того периода, как правило, связаны с религиозными текстами и выполнены с русского языка. Первые переводы с венгерского языка появляются только по истечении полутора века; в 1975 г. был издан небольшой сборник стихов Ш. Петёфи с переводами на русский и удмуртский языки. С того момента по настоящее время выполнено довольно много переводов стихов, прозы, научных и научно-популярных работ, фильмов, мультипликационных фильмов и т. д. с венгерского языка, но, тем не менее, этого количества явно недостаточно для отражения хотя бы в малой степени богатейшей литературы и культуры венгерского народа в целом.

Переводная удмуртская литература подвергалась анализу, опубликованы статьи, рецензии, монографии, но переводам с венгерского языка посвящены единичные критические работы (см.: [2; 7]), в которых переводческие трансформации не рассматриваются.

Основная задача переводчика при достижении максимальной адекватности перевода – умело произвести различные переводческие трансформации для более точной передачи переводом всей информации, с соблюдением норм языка. Исследователи при анализе переводов предлагают различные классификации переводческих трансформаций, многие из них выделяют лексические, грамматические [10], другие наряду с ними отдельно приводят лексико-грамматические [3, с. 172], некоторые предлагают более детализированные группы: морфологические, синтаксические, стилистические, семантические, смешанные [4]; но никто из них не полемизирует по поводу наличия лексических и лексико-грамматических изменений. В нашей работе мы рассмотрим лексико-семантические трансформации, которые происходят при переводе венгерской художественной литературы (прозы) на удмуртский язык.

Существует много причин, вызывающих лексические трансформации, и полностью охватить все причины нет никакой возможности. В качестве основных можно назвать следующие:

- разница в смысловом объеме слова, обусловленная различным функционированием слова в языках, различной сочетаемостью;
- разница в принципах номинации, причины которой кроются, в том числе, в видении мира носителями языка;
- различия в языковой культуре, когда довольно трудно подобрать эквиваленты словам или даже выражениям, так называемым экзотизмам, которые несут в себе часть культуры народа исходного языка, отсутствующие в переводящем языке.

Переводческая транскрипция – это формальное пофонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Эта трансформация используется при переводе имен собственных,

географических названий, названий фирм, должностей и т. д.: *A városon kívül, a Hűvösvölgy utolsó házain is túl, Nagykovácsi közsétől azonban jóval innen van egy vadvirágos rét* ‘За городом, за последними домами района Хювёшвёлдь, по ту сторону за поселком Надьковачи есть луг с дикими цветами’ / *Город съёрын, Хювёшвёлдь районлэн берпуметй коркаосыз съёрын, Надковачи гуртлэн мукет палаз кыр сяськаосын бусы вань* [5, с. 94]; *Marci apját Csigolya Dánielnek hitták, és vargamesterember volt* ‘Отца Марци называли Даниелем Чигоя, он был сапожником’ / *Марцилэсь атайзэ Даниель Чигоя шуо вал, со пыдкуччан вурьса көтсэ тырылйз* [8, с. 55].

В качестве следующей переводческой трансформации необходимо выделить **транслитерацию** – формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова – хотя многие исследователи и объединяют эти две трансформации в один вид. Разница между двумя этими изменениями существенная, при транслитерации звучание слова оригинала отходит на второй план, а наиболее важным становится его графическая форма, буквенный состав, грамматическая форма. В проанализированных произведениях нами найдены только некоторые случаи транслитерации, которые сводятся к переводу имен собственных: – *Gáspár... Menyhért... Boldizsár...* – *mondja, s kilöki a katonát az ablakon* ‘– Гашпар... Меньхерт... Болдижар... – говорит он и выкидывает солдата в окно’ / – *Gašpar... Men'xert... Болдижар...* – *шуэ но укное зйртэ солдатэз* [11, с. 21].

В приведенных примерах проявляется явное использование транслитерации, поскольку имя *Меньхерт* при транскрипции нужно было бы отразить как *Мэньхэрт*, что более точно отражало бы звуковую сторону слова. Во втором имени (*Болдижар*) мы видим «и» после согласного «д», в результате чего возникают различия в произношении данного имени в исходном и переводящем языках: в венгерском языке существуют коррелятивные пары согласных по велярности-палатальности, так же как и в удмуртском, вследствие чего палатальные консонанты в венгерском языке всегда обозначаются графемой «у», в удмуртском и русском – мягким знаком или постпозитивной гласной буквой «е» или «и». В переводе «д» получился палатальным, т. к. после него стоит «и»; но если бы была использована буква «й» (*Болдйжар*), тогда транскрипция была бы задействована в полной мере.

Элементы транслитерации использованы при переводе и самих авторов произведений: *Petőfi Sándor* ‘Шандор Петёфи’ [8], *Tömörkény István* ‘Иштван Тёмөркень’ [11]; обозначенная идентичной графемой фонема венгерского языка «ö» по всем характеристикам отличается от фонемы «ö» удмуртского языка, тем не менее, в переводе использован именно этот вариант, хотя, учитывая орфоэпию удмуртского языка, более приемлемой в подобных

случаях была бы буква «ё» или «э». Здесь опять видим превалирование транслитерации над транскрипцией.

Калькирование – трансформация, при которой слова или устойчивые сочетания (половицы, поговорки, фразеологические выражения и т. д.) переводятся путем копирования структуры исходной единицы – воспроизведения не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) заменяются соответствующими элементами переводящего языка. В работах мы нашли очень мало случаев калькирования, и, в основном, они касаются словосочетаний: *De midőn elvonja a kezét, újra fölugrik a katona, előbb hajlong **jobbba-balra**, mintha igen mérges lenne, azután megáll keményen, éppen neki szemközt fordulva, és a kezét le nem eresztene egy világért* ‘Но как только он убирает руку, солдат снова вскакивает, вначале качается **вправо-влево**, как будто бы очень рассержен, затем твердо встает, как раз напротив него, и не опускает руку, ни за что на свете’ / *Но кизэ басьтэ гинэ но, солдатэз нош ик султэ, нырысь **паллянэ-буре** сэзъяськыса, вожзэ поттыса кадь, собере шонерак султэ, чанак солы пумит но ноказыы но кизэ уг лэзь* [11, с. 24]. В удмуртском языке, по нашему мнению, в данном предложении более подходящим вариантом перевода послужило бы выражение *солань-талань* ‘туда-сюда’.

Конкретизация – это замена слова или словосочетания исходного языка с более широким значением словом или словосочетанием переводящего языка с более узким значением. В основе конкретизации лежит относительное семантическое тождество слов с родовидовыми, или гипо-гипероническими отношениями. Конкретизация используется в тех случаях, когда замена слова его эквивалентом невозможна по различным причинам: регулярное соответствие отсутствует в переводящем языке, его использование невозможно в данном контексте, так как будут нарушены правила лексической или грамматической сочетаемости слов, стилистическая или коннотативная эквивалентность: *Hunor és Magyar a temetés után **útra** keltek, s testvéreiknek hagyván az országot, mentek, mendégéltek ama csodaszép sziget felé* ‘После похорон Хунор и Мадьяр отправились в **путь**, оставив страну своим братьям, отправились к этому чудесному острову’ / *Ватэм беразы, Хунор но Мадьяр нош потйзы **кузь сюрес** вылэ, атай шаерзэс кельтйзы выньёссылы, кошкизы со паймымон шормуҷ пала* [9, с. 17]; *Száz **aranyat** adnék egy korty borért* ‘Сто **золотых** отдал бы [я] за глоток вина’ / *Сю зарни уксё сётысал али одйг гучык аракы понна* [8, с. 58].

В данных предложениях добавлены слова *кузь* ‘длинный, долгий’ и *уксё* ‘деньги’, таким образом, конкретизировано значение слов *út* ‘дорога, путь’ и *arany* ‘золото’: в венгерском языке представленной лексемы вполне достаточно для передачи требуемого значения, в удмуртском, соответственно, в первом предложении нужно было конкретизировать значение

путешествия, его длительность и по расстоянию, и по времени; во втором – уточнить, подчеркнуть, что речь идет о деньгах, больших деньгах.

Прием, обратный конкретизации, при котором происходит лексико-семантическая замена единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей переводящего языка с более широким значением, называется **генерализацией**. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое: *Fölment a Gellérthegyre, onnan hegyen-völgyön át a Hármashatár-hegy csúcsára kapaszkodott föl, aztán leereszkedett a **hegy oldalán**, és nekivágott az országútnak* ‘Поднялась на гору Геллерт, оттуда через гору, долину взобралась на вершину горы Хармашхатар, затем спустилась по **склону горы** и отправилась по шоссе’ / *Геллерт гурезе тубиз, отысен гурезь, нёжал вамен, Хармашхатар гурезь йылэ тубиз, собере, **гурезьтү** васькыса, шоссетү кошкыз* [5, с. 94]. Здесь вместо словосочетания *hegy oldalán* ‘по склону горы’ использовано одно слово *гурезьтү* ‘по горе’, поскольку конкретизация излишне, основное внимание читателя обращается на хождение по разным местам.

Модуляция – лексико-семантическая трансформация, при которой осуществляется замена слова или словосочетания исходного языка единицей языка перевода, значение которой логически выводится из значения исходной единицы (смысловое, логическое развитие). Чаще всего значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются связанными причинно-следственными отношениями: *Kétszer hét napja s éje, hogy nem láttalak* ‘**Дважды в течении семи дней и ночей** не видел [я вас]’ / *Дас ньыль уй но дас ньыль нунал чөжө* *öй адзылы түледыз* [9, с. 17].

В тексте оригинала очень своеобразным способом передано значение времени, что обусловлено жанром произведения; переводчик трансформировал данное выражение, буквально произведя арифметические расчеты: «дважды семь дней и ночей» были заменены следующей конструкцией *дас ньыль уй но дас ньыль нунал* ‘четырнадцать ночей и четырнадцать дней’. В проанализированных работах присутствуют и примеры немного иного типа логического развития, которые, с одной стороны, близки к приему конкретизации, но, тем не менее, относятся, по нашему мнению, к модуляции: *A legelfajultabb lélek is tiszta volt születésekor, mint a még útban levő hó, mely csak akkor válik sárrá, ha már a földre hullott, s ott **lábbal** tapodták* ‘И самая уродливая душа при рождении была чистой, как падающий снег, который только тогда превращается в грязь, когда достигает земли, и там его топчут **ногами**’ / *Котькыче сьод сюлэм нырысь чылкыт вал: музьем вылэ усем лымы юг-юг тӱдӱы луэ ук, собере ни сое **курмем сапегъёсын** лёгало но, чылкыт лымы сьӱд дэриен сураське* [8, с. 54-55].

В данном предложении словоформа *lábbal* ‘букв.: ногой’ была заменена словосочетанием *курмем сапегъёсын* ‘грязными сапогами’, поскольку лексема языка-

оригинала не смогла бы в полной мере передать то значение противопоставления, которое присутствует в значении предложения.

Прием **антонимического** перевода представляет собой замену какого-либо понятия, выраженного в подлиннике, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания: *A fülke egy ideig némán hallgatta oktalan találgatásukat, aztán megfordult, és nyugodt léptekkel elindult a Rákóczi úton* ‘Будка какое-то время слушала беспочвенные предположения, затем повернулась и **неспешным шагом** отправилась по улице Ракоци’ / *Будка көня ке кылзыса улӱз ик номырин юнматымтэ малпанӕссэс, собере берытскиз но дыртытэк гинэ Ракоци урам кузя кошкиз* [5, с. 93]. Сочетание *nyugodt léptekkel* ‘букв.: спокойными шагами’ заменено деепричастием *дыртытэк* ‘не спеша’; при этом в удмуртском языке для образования деепричастий с отрицательным значением используется суффикс, а не предлог или послелог.

Очень часто при данной трансформации использование противоположного понятия в переводе предусматривает замену утвердительного предложения отрицательным, и отрицательного – утвердительным: – *Feleségem, ne hazudj!* ‘Жена моя, **не ври!**’ – *Pőyськод кышномурт* [8, с. 56] ‘Обманываешь, женщина’.

Описательный перевод (экспликация) – лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение: *A költő hiába érvelt* ‘Поэт напрасно **аргументировал**’ / *Юнме кылбурчи шонер луэмзэ валэктыны выриз* [5, с. 92]. В удмуртском языке нет прямого соответствия глаголу *érvel* ‘аргументировать’, поэтому переводчику пришлось описательно передать его значение: *шонер луэмзэ валэктыны выриз* ‘букв.: пытался объяснить [свою] правоту’. Многословность и громоздкость являются недостатком описательного перевода: – *Ha kivágod is, beszélek...* ‘Если отрежешь [язык], и тогда буду говорить’. – *Ванды, ванды! Соку но мон тонэ тордос шуэмысь уг дугды* [8, с. 56]. В оригинале в конце предложения стоит многоточие, значение которого, по мнению автора, читатель должен понять сам, тем более из контекста понятно, о чем идет речь; по мнению переводчика, этого было бы не достаточно для удмуртского языка, и он заменил одно слово предложением: *Соку но мон тонэ тордос шуэмысь уг дугды* ‘И тогда я не перестану называть тебя алкоголиком’.

Наиболее удачно прием описательного перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением. В большинстве случаев нами найдены подобные примеры, в которых описательный перевод придает содержанию более конкретную по сравнению с оригиналом форму выражения: *Letérdeltek a fiúk, s az öreg megáldá* ‘Сыновья опустились на колени, и старик благословил [их]’ / *Пыдесъяськызы пиосыз, жеч кылзэ вераз*

атайзы *но лэзиз* [9, с. 17] ‘Сыновья [его] опустились на колени, отец [их] сказал добрые слова и отпустил’.

Прием перевода культурных реалий исходного языка, который в некоторой степени схож с предыдущей трансформацией, но существенно отличается одним обстоятельством: в переводящем языке полностью отсутствует эквивалент культурной реалии языка-оригинала: *Csigolya Dánielné asszonyom tisztességes életű és takarékos erkölcsű gazdasszony volt <...>* ‘Жена Даниеля Чигоя была порядочной женщиной, которая могла экономить <...>’ / *Чигоялэн кuspалыз умой кышномурт но ваньбурез жикым възьыны быгатісь маке вал* [8, с. 56]. Этот пример отражает совершенно уникальное явление в традиции венгров, когда не только фамилия, но и имя девушки, которая вышла замуж, перестает фигурировать, в том числе в официальных документах; вместо них используется фамилия, имя мужа, маркированная постфиксом *né*: *Csigolya Dánielné* ‘букв.: Чигоя Даниеля жена’.

Следующий принцип перевода также следует отнести к рассматриваемой трансформации: *Örkény István* ‘Эркень Иштван’ / *Иштван Ёркень* [5, с. 92]. Как видно из данного примера, также из другого, приведенного выше, и многих, подобных им, в венгерском языке при нарекании сначала используется фамилия, и только затем имя человека; и в русском, и в удмуртском языке используется совершенно противоположный порядок: фамилия следует за именем. По этой причине, все имена с фамилиями с венгерского языка на удмуртский переводятся с изменением порядка слов.

Перевод – это очень трудоемкий процесс, переводчик не только должен в совершенстве владеть обоими языками (ИЯ и ПЯ), но также и знать, понимать культуру, традиции, обычаи народа, с языка которого текст переводится; при этом, несомненно, существуют требования, связанные и с переводящим языком – при перевыражении, перекодировании, трансформации исходного текста переводчику необходимо выбирать варианты в зависимости от вариативных ресурсов переводящего языка, нужно это чувствовать. Переводчик не может использовать любой понравившийся ему вариант, ему необходимо выбрать среди них оптимальный, чтобы перевод получился адекватным и эквивалентным. Но сделать это очень непросто. Помочь переводчику в его непростом труде могут научные разработки, использование готовых схем, теорий перевода, различных переводческих трансформаций.

Таким образом, выявлены и отражены лексико-грамматические трансформации, которые были использованы переводчиками при переводе венгерской художественной литературы на удмуртский язык. Хотя они нами и отнесены к одной группе, тем не менее, следует выделить две подгруппы: к одной из них относятся транскрипция, транслитерация и калькирование, к другой – конкретизация, генерализация, модуляция, антонимический перевод, экспликация и перевод культурных реалий ИЯ. Их отличие друг от друга заключается

в том, что во второй группе к лексическому фактору добавляется также и семантический, т. е. при этих приемах значение слова имеет более важное значение, чем при чисто лексических трансформациях.

Наша работа представляет собой первую попытку классификации лексических и лексико-семантических трансформаций при переводе с венгерского языка на удмуртский язык и не претендует на то, что в ней раскрыты все трансформационные приемы, относящиеся к анализируемым группам; тем не менее, надеемся, что наше исследование, с одной стороны, раскроет внутреннюю структуру переводной прозы с венгерского языка, позволит увидеть причины возможного несоответствия стилю, языку произведения аналогичного жанра на удмуртском языке, с другой стороны, может послужить хорошим подспорьем для начинающих переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. Вахитова О. В. Мискинъ Костолани // Удмурт дунне. – 2012. – № 174. – С. 6.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Латышев Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы её достижения). – М.: Междунар. отношения, 1981. – 248 с.
5. Ёркень И. Поэзиялэн кужмыз сярысь баллада // Мадьяр литератураысь 12 тужгес но чебер верос / Люказ Б. Фёзфа. – Веспрем, 2015. – 92-95-тй б.
6. Пантелеева В. Г. Удмуртская поэзия и перевод: анализы, интерпретации, комментарии: монография. – Ижевск: Ин-т компьют. исследований, 2016. – 248 с.
7. Пантелеева В. Г., Петрова А. В. Об особенностях перевода европейской поэзии на удмуртский язык (на примере венгерской) (сдана в печать).
8. Петёфи Ш. Сари но Тёри // Дунай тулкымёс – Кам ярдурын. Венгер литература сузьет / Дасязы В. Ар-Серги но И. Козмач. – Ижкар, 1997. – 54-80-тй б.
9. Пёртмаськись пужей // Дунай тулкымёс – Кам ярдурын. Венгер литература сузьет / Дасязы В. Ар-Серги но И. Козмач. – Ижкар, 1997. – 14-18-тй б.
10. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
11. Тёмёркень И. Солдатэн ожмаськон // Мадьяр литератураысь 12 тужгес но чебер верос / Люказ Б. Фёзфа. – Веспрем, 2015. – 22-27-тй б.